

Никаких ведьм на моем отборе!

Автор:

Наталья Мазуркевич

Никаких ведьм на моем отборе!

Наталья Витальевна Мазуркевич

Балиар

Его величество гневаться изволит. Каких-то тридцать лет живет, а советники так и наседают: пора, дескать, королеву искать, династию спасать, род древний продолжать. Только сомневается король, что о благе государства радеют советники, заговор ему видится. А тут еще и из Грастина новости пришли: ведьмы ему жену готовят. И не откажешь же тетушке, ежели та племянницу приведет на смотрины, пусть даже та и ведьма. Но ничего. Хотят советники отбор – будет. Но по его правилам и без всяких ведьм!

Наталья Мазуркевич

Никаких ведьм на моем отборе!

Пролог

– Ваше величество, извольте выслушать? – Голос советника звучал еле слышно, но все равно пробивался сквозь закрытую перед его носом дверь. – Вам все равно придется сделать выбор. Не сейчас, так через год, но придется. Королевство в опасности! Отсутствие наследника – лучший повод для заговора. Ваше величество, подумайте о подданных!..

– Ваше величество... – голосу советника вторила еще дюжина таких же. Словно весь кабинет министров присоединился к завываниям в приемной.

– Они так просто не сдадутся, – насмешливо заметил, выходя из-за занавески, единственный человек, кого защита кабинеты пропускала внутрь без оповещения короля. Герцог Дамиан Аверстал, единственный из герцогов, кто не был связан родственными узами с его величеством, а потому не мог законным путем претендовать на трон в случае его освобождения.

– Даже если натравить на них тебя? – усмехнулся Георг, извлекая из сейфа открытую накануне бутылку вина и разливая по бокалам ее содержимое.

– Пара дней – большую отсрочку можешь не просить, – поморщился Дамиан, прикрыл глаза, оценивая букет, и – выбил из рук друга бокал. Ярко-алое пятно начало стремительно разрастаться на белоснежном ковре. Герцог опустил на колени, поднял не пострадавший от падения бокал – настоящая гномья работа, еще раз принюхался и покачал головой. – Пары дней у нас нет, – сообщил он, глядя другу прямо в глаза. – Покушения стали происходить все чаще, и больше они не пытаются выставить их несчастными случаями.

– Думаешь, отбор их остановит? – усмехнулся король, подходя к окну и распахивая створки настежь: от испорченного ковра начало ощутимо пахнуть.

– Едва ли. – Дамиан тряхнул головой, отчего ему на глаза упала пшеничная челка. – Но нервы ты им пощекочешь.

– Или они мне, – неопределенно проговорил король.

– Или они – нам, – поправил его собеседник и щелчком пальцев заставил ковер вспыхнуть. Благо, окно уже было открыто и, прикинув к нему вплотную, можно было переждать разом испортившийся воздух.

Голоса в приемной внезапно стихли: видимо, до них добрался запах. А после, судя по глухому звуку удара, кто-то упал прямо там.

– Вероятно, стоило их предупредить, – поморщился Георг.

– Не стоит. Страдать за короля и отечество – их священный долг.

Король подавился. С некоторых пор – с тех самых, как до него дошли слухи из незабвенного Грастина, любое упоминание священного долга вызывало в нем – нет, не ужас – обреченное раздражение. Выгнать тетушку – любую из дюжины – он был не в силах, но терпеть во дворце их протезе...

– Ладно, – выдохнул мужчина, смиряясь с неизбежным. В конце концов, даже его отец женился до достижения тридцати лет, а он разменял этот срок еще в прошлом году. – Пусть начинают приготовления. Но, головой за это отвечаешь: никаких ведьм на моем отборе быть не должно!

Дамиан быстро кивнул. Слишком быстро, чтобы его уступчивость не была подкреплена увесистым подарком от воспрявших духом советников, добравшихся, очевидно, до соседнего окна и услышавших благую весть.

Глухой звук падающего тела лишь подтвердил его последнюю мысль.

Глава 1. Сделка с совестью и правосудием

С мрачной обреченностью я смотрела на дверь. К счастью, обычную деревянную дверь. И на этом хорошие новости заканчивались, ибо кабинет за ней принадлежал инквизитору высшей категории, магу в надцатом поколении, чьи предки успели отличиться еще во времена кампании по уничтожению ведьм. Что примечательно, даже в те дремучие годы магов не трогали, предпочитая вербовать на службу, а вот бедных ведьм... не любили. Что тогда, что сейчас. Удружила какая-то девица иностранная, а нам, честным ведьмам, страдай и мучайся от несправедливости королевских указов.

Скрип, донесшийся из-под щели, оповестил о скором моем приеме. И я медленно вдохнула, прикрыла глаза и постаралась выбросить из головы все мысли о своей принадлежности к угнетенному сословию. Никакая я не ведьма.

Ни потомственная, ни обученная, ни попавшаяся. Вообще не ведьма. Так, случайная горожанка, которая хотела помочь одной неблагодарной особе спасти ее брак. Лучше бы яду подсыпала, ей-богу! Из монастыря проще сбежать, чем

из королевской тюрьмы для одаренных. Но это если докажут, а я – совсем не ведьма, обычная горожанка, сама не знала, что в флаконе. Не знала – и знать не хочу!

– Эвильен Тронс. – Хриплый голос, в котором, как назло, не слышалось ни капли усталости, вырвал меня из задумчивости. – Проходите.

Я глубоко – насколько позволял туго затянутый корсет – вдохнула, продемонстрировав магу все то, чем наградила меня природа, и попыталась пройти в кабинет. Попыталась, потому что нога сама подвернулась, роняя меня в руки насмешливо сверкнувшего глазами светловолосого мага. Теперь ни за что не поверю, что виной всему моя неуклюжесть!

– Даже не пытайтесь, – будто бы не имел никакого отношения к моему падению, сообщил он, не отказывая себе в возможности обхватить мою талию, а после и оценить наполнение лифа. Увы, секрет моих форм не крылся в корсете или подложенных подушечках, а потому я нехорошо прищурилась, даже сквозь ткань чувствуя прикосновения потерявшего всякий стыд мужчины.

– Настоящая, – хмыкнул он, не делая попыток убрать руки. Хотя нет – только одну убрал, да и та, впрочем, тут же нашлась у меня на бедре, если точнее – в районе ниже талии.

Я сжала зубы, понимая, что противопоставить что-то произволу инквизитора не могу. Точнее – могу, но это будет последнее, что я сделаю в качестве честной горожанки Эвильен Тронс, ибо далее мои действия, готова пять золотых поставить, будут классифицироваться как нападение злокозненной ведьмы Тронс на представителя власти при исполнении. За что последняя будет задержана на месте и привлечена к ответственности. Увы, иллюзий о своей дальнейшей судьбе я не питала.

– Я буду жаловаться, – процедила сквозь зубы. Вышло не слишком грозно, очень уж покраснели мои щеки и дыхание от волнения перехватило.

А инквизитор будто бы забавлялся. Кончиками пальцев провел по разгоряченной коже, от ключицы до подбородка, зарылся пальцами в волосы, наклонился ближе, обдавая меня своим дыханием. И если бы оно было смрадным! Нет, морозная свежесть, будто специально перед представлением зубы чистил.

Представление...

Я успела ухватить последнюю мысль за самое окончание и настойчиво потянула на себя. Ранее не приходилось иметь дело с настолько высокопоставленными представителями контроля за одаренными, а потому и про их методы я ничего не знала. В обычной-то управе просто сажали на скамеечку за решеткой и ждали: либо пока раскаешься, либо пока место понадобится кому-то более опасному. Потому больше двух часов я в управе не проводила. Да и то – по малолетству, пока силу свою глушить не научилась.

А сейчас... Я хотела было подумать что-нибудь умное, но наглые пальцы инквизитора начали поднимать подол, ощупывая лодыжку, скользя по голени и подбираясь к самому главному – пристегнутому к бедру – увы, с внутренней стороны, отчего моя походка была сродни уточке – еще одному незаконному зелью. Подобного произвола я допустить не могла, даже зная, что намерения у инквизитора самые благие – как никак обыск проводит.

– Ааааа! – завопила я на все здание, отскакивая назад и больно – аж искры из глаз посыпались – ударяясь спиной о дверной косяк.

Маг поморщился и щелкнул пальцами, на корню обрывая мой концерт.

– Проходите в кабинет, Эвильен. – Он отступил в коридор, перекрывая мне путь к отступлению. – Продолжим наше знакомство внутри.

Я отчаянно покачала головой, раз уж права на крик, как и на любое другое вербальное проявление недовольства, меня лишили. Сложила на груди руки – и тут же пожалела. Талия и все, что ниже, оказались беззащитны.

Хмыкнув, инквизитор сжал мои бедра, отчего я бы застонала от боли, если бы могла, – бутылек впился прямо в кожу – и переставил на пол кабинета.

Дверь грохнула, как крышка гроба моей свободы.

– Раздевайтесь, Эвильен, – приказал мужчина, занимая единственное – видимо, чтобы гости не расслаблялись, – кресло.

Я покачала головой, хотя после его «объятий» хотелось задрать юбку и растереть пострадавшую кожу. Но не в присутствии же мужчины этим заниматься! Я все же честная девушка, пусть и не совсем чистая на руку. Но сама своих услуг я никому никогда не навязывала. Так пусть и запишут в протоколе!

– Запишем, не волнуйтесь, – заверил меня маг, одаривая довольной улыбкой. – Но об услугах хотелось бы подробнее. Как много, как часто, все ли клиенты остались довольны?

Улыбка мужчины стала по-настоящему похабной. Он словно меня не в незаконном ведьмачестве и алхимии обвинял, а в других менее квалифицированных, но более оплачиваемых услугах. Но не это заставило меня покраснеть, а после побледнеть, сравниваясь цветом лица с мундиром собеседника.

Я вслух сказала о протоколе, а значит могла и о...

– Вопросы вашей невинности меня не волнуют. Только невинности, – подтвердил худшие мои опасения маг, не оставляя без внимания моих покрасневших щек. – Доставайте уже, что у вас там припрятано. Иначе мне придется вам помочь. И не сказать, чтобы я был этим огорчен. Скорее наоборот.

И мне не нужно было обладать ни каплей ментального дара, чтобы понять: маг говорил чистую правду. Достаточно было хоть искоса рассмотреть его довольную, будто месячную премию только что заработал, улыбку и полный предвкушения взгляд.

Я тяжело вздохнула, нечаянно переключая внимание инквизитора с нижних девяноста на верхние... достоинства, и, помявшись для приличия, сунула руку под платье.

– Нет, я так не могу, – жалобно простонала. – Я стесняюсь.

– По второй специальности я – целитель. Можете не стесняться, – успокоил меня собеседник, подаваясь вперед. Да, так определенно у него обзор был лучше. И напрямую, и через зеркало. – Не тяните время, Эвильен, иначе я решу, что вы нуждаетесь в моей помощи. И, так и быть, помогу вам. – Он мечтательно цокнул

языком и, будто смакуя, добавил: – С разоблачением.

И таким странным тоном это было сказано, что я поняла: добежалась. Сочтены мои вольные деньки.

Тяжело вздохнула и, присев на корточки, сунула руку под юбку. И ничего, что леди, да даже и обычной порядочной горожанке не полагалось так себя вести, но захочешь что-то из-под юбки достать, не светя панталонами, и не так изогнешься.

Разочарованный вздох стал музыкой для моих ушей.

Выпрямилась я уже охотнее, вот только глаза на мага не торопилась поднимать. Поставила на столешницу бутылечек из мутного стекла и жалобно попросила:

– Только флакон верните мне потом, ладно?

Маг промолчал, проигнорировав мою просьбу, а я, видя, как он надевает перчатки и начинает расшатывать пробку, вдохнула поглубже и зажмурилась.

Чпок, с которым весь кабинет заволокло дымом, я благополучно переждала. Как и последующие тридцать секунд.

Зелье от насекомых я носила с собой как раз на такой случай. Несмотря на мгновенный эффект и невысокую стоимость, продавали его только в деревнях, где можно было быстро избавиться от едкого запаха и обойтись без случайных жертв. Применение же в городе каралось двумя неделями общественных работ, а если кого-то зацепит – то и целым годом вкупе с материальной компенсацией пострадавшим. Но другого такого дешевого по себестоимости средства быстро избавиться от комаров, клопов, пауков и иных видов насекомых, не существовало, а потому торговля из-под прилавка процветала.

– И это все? – Голос мага был полон разочарования. Я моргнула, открывая глаза, и тут же удивленно выдохнула:

– Не сработало? – Вообще-то я имела в виду зелье, но маг отчего-то подобрался, словно я нечаянно себя сдала.

– Зелье? – переспросил инквизитор и пояснил: – Нет. Сроки годности вышли. Выдохлось ваше зелье, госпожа ведьма.

– Я не ведьма. – Отрицательно покачала головой и... топнула ногой от негодования. – Так это я пятнадцать золотых отвалила за простой пшик?!

– Именно, – лукаво улыбнулся инквизитор, но глаза его оставались холодными. Будто он размышлял, верить ли в мою искренность. Но я подготовилась: зелье не сама варила, а действительно его купила, потому могла сколько угодно негодовать из-за его качества. Я-то рассчитывала, что раз уж не миновать мне наказания, то хоть гримасой на лице мага полюбуюсь. Ан-нет, не повезло.

– И вы только что признались в незаконной покупке. Это две недели общественных работ, – поведал мне собеседник. Я недовольно поджала губы, мысленно же вознося хвалу богам. – Но почему-то мне кажется, что вас перспектива убирать задний двор тюрьмы недостаточно печалит.

– Очень печалит, господин маг, – торопливо выдала я. И добавила: – И я буду жаловаться! Меня, честную горожанку, как какую-то ведьму... Унизительным способом...

– Идите, – отмахнулся от моих воплей маг и одним движением смахнул в мусорную корзину флакончик. Тот, который я просила вернуть, между прочим! – Или мне вас проводить?

Просить дважды не пришлось. Мои пятки сверкнули на пороге, и я в считанные секунды сбежала вниз по лестнице, даже не уточнив, когда предстоит явиться, чтобы начать отрабатывать свой долг.

Знала бы я, к чему это приведет, – обязательно бы вернулась. Но я не знала и в приметы не верила (по крайней мере в некоторые), а потому бежала вверх по улице, чтобы, махнув извозчику, уехать подальше от бывшего оплота инквизиции, ныне существовавшего под названием Биленской службы по контролю за одаренными и их деятельностью. Увы, интерес службы одним контролем за зарегистрированными одаренными не ограничивался, потому

никто не рисковал лишний раз не то что проходить под окнами милого белого здания с лепниной, но даже проезжали здесь исключительно с ветерком и в темное время суток.

Пожилой извозчик, определенно занимавшийся сим полезным ремеслом не в первом поколении, притормозил у моего подвала всего на пару секунд, сорвавшись в путь, едва моя нога коснулась брусчатки. Именно что нога – одна, правая. Левая же была вынуждена выпрыгивать из экипажа на ходу, чтобы не умчаться в неведомые дали. Поморщилась, ибо так и не сумела привыкнуть к этой столичной привычке торопиться всегда и везде.

– Явилась! – поприветствовал меня такой родной – за полгода, что я снимала комнату, успела с ним сродниться – скрипучий голос старой карги с первого этажа. Увы, она даже ведьмой не была, чтобы пожаловаться на нее страже, а дурной характер отчего-то не считался преступлением.

– И вам не хворать, – улыбнулась я в ответ, выдавая самую добрую из всех своих профессиональных ухмылок, и прошмыгнула вниз.

Увы, снимать чердак я не решилась, хоть и очень хотелось. Свобода манила, любимая метелка укоризненно взирала на меня из угла комнаты, периодически напоминая о себе внезапными обрушениями себя или вещей, пристроенных на соседний с ней стул.

Ключ плавно вошел в замочную скважину, и под аккомпанемент шипения соседки щелкнул замок, впуская меня во временную, как я очень надеялась, обитель. Увы, крупные города королевства были не слишком милосердны к приезжим, а уж к тем, кто рискнул из дальних селений штурмовать оплоты знаний, – еще и коварны.

Впрочем, сетовать на безразличие властей я не могла. В Вистале в школу для девочек меня приняли охотно, хотя больше эта школа походила на училище, ибо основное внимание уделялось не наукам, а банальному ручному труду, столь необходимому на мануфактурах города. И именно там мне следовало находиться в данный момент, но отдавать долг родному государству я предпочла в столице и не тем способом, к которому меня готовили в училище.

Приказчик, выдававший направления на отработку, случайно потерял мое и так надежно, что найти не смог ни на следующий день, ни через неделю. Впрочем, шансов найти у него и не было: сама закапывала на кладбище, ибо официальные документы напрочь отказывались уничтожаться без дополнительных магических воздействий, создать которые могли либо артефакты королевских служащих – не чета тем, что выдавались администрации училищ, либо те, что устанавливались на кладбищах, чтобы не допустить срабатывания амулетов покойных, кои те завещали отправить в последний путь вместе с собой. Там-то и нашло вечное пристанище мое направление на отработку.

Впрочем, не следовало списывать со счетов и везение. Будь приказчик чуть более чист перед законом и не опасайся обратиться за новым бланком в городскую канцелярию, сидеть мне в каком-нибудь подвальчике и вышивать шелком очередную сумочку, а то и целое платье. И пусть избавиться от подвала в своем будущем мне не удалось, он все же был выбран мной и не для того, чтобы убивать свое зрение, а... чтобы спать. Работать я предпочитала в другом месте, не создавая компромат на себя прямо по месту жительства.

Рабочее место, как и гримуар, перешло мне по наследству. И я даже в лучших ведьминских традициях заплатила за это кровью: случайно, не без помощи чьей-то озверевшей собаки, от которой я петляла по незнакомым улочкам столицы, не помня себя от страха и обещая спалить мозг этой твари. Увы, обещания мои были пусты: во-первых, мой особый талант позволял лишь себя убедить в чем угодно, заставляя менталистов поверить в полное отсутствие у меня ведьминского дара, во-вторых, у свихнувшейся псины, как после оказалось, мозгов уже не было. Кто-то постарался и лишил мохнатого монстра последних крох инстинкта самосохранения.

В любом случае, оступившись и падая в сточную канаву, я меньше всего рассчитывала оказаться... в очередном подвале. Увы, видимо, на роду мне было написано все в жизни получать через подвалы: поговаривали, что даже матушка мною разродилась именно в подвале, и после моя судьба шла рука об руку с их затхлыми представителями.

Как бы то ни было, за этот подвал, как и тот, что мне удалось снять с хорошей такой скидкой из-за его выдающейся непопулярности – все жильцы неминуемо оказывались в страже и отбывали на пмж куда-то далеко и надолго, я была судьбе благодарна. Не сразу, конечно. Сразу мне хотелось выть от отчаяния, но вот после...

Скрытый мощной иллюзией подвал, куда мне посчастливилось упасть, принадлежал потомственной ведьме Изабель Мерье, о чем прямо свидетельствовала оставленная на столе и покрывшаяся толстым слоем пыли записка. Госпожа Мерье, да будет ее путь легок и благословен, сообщала, что вынуждена покинуть столицу из-за причин не совместимых с долгой и счастливой жизнью. Попросту – подалась в бега.

Просидев несколько дней в публичной Биленской библиотеке, я с грустью узнала, что неприятности в лице инквизиции сумели ее настигнуть. Изабель сражалась – тут я позволила себе додумать скупые строчки – но силы были неравны. Предательский клинок пронзил ее сердце, она рухнула навзничь на холодную землю...

Далее фантазия иссякла, и, пролистав газету, где говорилось о поимке злокозненной Мерье, я так и не нашла других упоминаний. Некролог, конечно, отсутствовал. Писать об еще одной почившей ведьме в годы охоты на них никто не собирался: доходнее было разместить заметку о наборе в инквизиторский полк.

Впрочем, как бы ни кончилась жизнь бывшей хозяйки подвала, мне он служил верой и правдой. Верил в мое великое будущее, сотрясая стены всякий раз, как зелье выходило из-под контроля, и сыпал штукатуркой на раны моего пострадавшего самолюбия. Тем не менее, ведьминское укрытие продолжало прямо стоять и цедить с меня кровь по капле за каждый вход.

Я вздохнула и отбросила сковывавший тело корсет подальше. Жизнь практически в тот же миг стала прекрасна и удивительна, правда, ровно до того момента, как не начала мерзнуть поясница, напоминая, что еще сто лет назад в мои годы начинали задумываться о завещании и подкрашивать первые седины. Как все-таки хорошо, что прогресс не стоит на месте! Если бы он еще и двигался в пользу пострадавших от предрассудков ведьм... Но чего ждать не стоит в ближайшие годы – так точно этого.

Метла, то ли сочувствуя моим мыслям, то ли давая понять, что не одни лишь ведьмы достойны сострадания, с глухим стуком упала на пол. Следом, как знамя на похоронах генерала, ее накрыла задетая ночная сорочка.

Пришлось уныло двигаться в угол и возвращать все по местам. Хорошо еще, что носки успела натянуть. Толстые, вязанные, они спасали меня холодными ночами, коих в подвале было... все. Промозглая сырость, не желавшая уходить без магического вмешательства, медленно отравляла мою жизнь. Конечно, будь у меня лишние деньги, я бы обязательно наняла мага, как делали мои более состоятельные коллеги, но с золотыми было туго. С серебряными, впрочем, тоже. Зато медяшек...

Я склонилась к небольшому сундучку, что занимал почетное место под стулом. После метлы – он был вторым моим ценным приобретением на новом месте. Сам не больше ладони, он мог хранить в себе любое количество вещей. Правда, только тех, что удалось туда засунуть, а учитывая небольшие размеры входной части – подходил он только для монет и украшений. Но, ввиду отсутствия последних, – только для монет. И я исправно закидывала туда медяшки, чтобы в конце месяца ссыпать их кошелек и отправиться выслушивать от арендодателя все, что он думает о работниках паперти.

Впрочем, отчасти он был прав. Именно попрошайки за десять медяшек в неделю рекламировали мои зелья прохожим и исправно разбивали мне принесенную серебрушку своими честно выпрошенными медяшками. А за дополнительные пятнадцать монет могли и передать заказ клиенту. Правда, не всегда. В праздничные дни, или когда ожидался визит жен высокопоставленных лиц в храм, все попрошайки были заняты и приходилось относить заказы лично, как сегодня. Ради этого даже с работы пришлось отпроситься. И я с ужасом думала, что скажет мне мэтр Клерье, когда я подойду к нему с просьбой о двухнедельном отпуске, потому что даже минутное опоздание по независящим от меня причинам воспринималось мэтром как личное оскорбление и каралось тирадой на полчаса, а после протяжными сетованиями каждому посетителю о неблагодарных сотрудниках. Впрочем, с сотрудников разговор плавно переходил на поставщиков, а там и на покупателей, которые отчего-то стараются обходить лавку пожилого мага десятой, а то и двадцатой дорогой. И не беспричинно.

Однажды мэтр Клерье так обиделся на отсутствие посетителей, что с горя разбросал по ближайшим улицам листовки с рекламой своей лавки. И все бы ничего, но мэтр Клерье был артефактором. И не каким-то с улицы – а дипломированным и заслуженным. О том, впрочем, за какие заслуги его попросили выйти из гильдии, мэтр не любил вспоминать и работникам своим не рассказывал. А мы были бы рады послушать, но увы... И этот самый человек,

от чьего внимания сложно укрыться, поколдовал над каждым экземпляром, а после устроил настоящий дождь над районом. Листы падали прямо на головы горожанам, и те, кто с почтением складывал приглашение мэтра, благополучно шли дальше, те же, кто рискнул выбросить... Очередь в лавку стояла с самого обеда. И даже то, что среди посетителей оказались служители правопорядка, мэтра нисколько не огорчило. Он улыбался им как родным, а после долго-долго извинялся, клятвенно обещая оплатить штраф в ближайшее время, и... не хотели бы доблестные стражи что-нибудь приобрести?

Стражи отчего-то сглатывали обреченно, тоскливо переглядывались с искусанными или покрытыми несмываемыми чернилами посетителями, и, не глядя, сгребали с прилавка завиватели усов. На будущее, ибо на службе носить усы позволено было лишь старшим офицерам.

Стоит ли говорить, что мы – трое помощников мэтра – готовы были подставить плечо друг другу в любом деле, лишь бы мэтр не огорчился. Увы, мое двухнедельное отсутствие парни не смогут прикрыть, даже если очень постараются. А потому на поклон идти придется. Радует лишь, что не прямо завтра, а через два дня, когда нужно будет выходить на работу.

Я уныло вздохнула и направилась к кровати. Правда, направилась звучало куда благороднее, чем могла позволить себе небольшая комнатушка с одним единственным окном. Зато полностью моя. Я назидательно подняла палец, обнадеживая себя отсутствием двуногих соседей и покосилась на угол, где чьи-то старательные острые зубы прогрызли парадный (раз уж я его нашла) вход. Впрочем, с этим соседом я до сих пор знакома не была, да и крыс, определенно, не торопился данное обстоятельство исправлять. И его можно было понять: это обычных горожанок появление острозубого могло повергнуть в ужас, а практикующую ведьму – в праздничное возбуждение. И пусть я не любила работать с органикой, особенно, когда она еще теплая, но мало ли какие обстоятельства вынудят. Вот и крыс рисковать не собирался.

Едва моя голова коснулась подушки – наступил рассвет. Вот так раз – и все. Только-только прикорнула и уже вставать, собираться, на работу опаздывать. Последнее обстоятельство, правда, меня сегодня не касалось.

Я зевнула и прикрыла ладонью глаза, хотя необходимости в этом практически не было. В мое окно едва-едва проникали рассветные лучи, их даже можно было спутать со светом фонаря, поставленного, как назло, прямо перед нашим домом,

отчего цена за надземные этажи была выше, чем в домах с неосвященного края.

В животе противно забурлило напоминания об отсутствовавшем ужине, и вот здесь уже игнорировать позывы организма стало нельзя. Пришлось идти умываться в общую уборную, сочувственно кивать в очередном раз уволенному соседу, делившемуся своей скорбью со всей очередью, и гадать, куда его возьмут в следующий раз и что он рискнет позаимствовать у нового хозяина. Удивительно, но стражу на этого тщедушного проходимца с лицом лиса еще ни разу не вызывали. Вот что значит везение! Или вовремя уплаченная в гильдию четвертушка. А Эрик платил. И, похоже, даже больше положенного.

- На работу? - перестав жаловаться, вздернул брови рыжий.

- Сегодня - нет. - Я отрицательно качнула головой и зевнула, вызвав волну среди других ожидающих. - Кто там сейчас? - под аккомпанемент желудка уточнила я, кивая на закрытую дверь, из-за которой слышался плеск воды и чьи-то тихие напевы.

- Лори изволила встать в одно время со смердами, - усмехнулся Эрик и постучал костяшками пальцев по закрытой двери. - Лори, поторопись. Мы не для того здесь собрались, чтобы слушать твои завывания с утра. Они, конечно, здорово будят, но весь день потом ходить с головной болью - слишком высокая цена.

И как-то сразу стало подозрительно тихо, если не считать звук лязгнувшего металла.

- А там нет ничего тяжелого и острого? - на всякий случай спросила я, занимая место за спиной Эрика. Пусть, если что-то и вылетит из открывшейся двери, встретит на своем пути его, а не меня. Все же он сам решился на самоубийственную миссию по освобождению уборной от репетировавшей Лориетты.

- Только таз, но вряд ли она его поднимет, - пожал плечами Эрик, но отступил на шаг и, помедлив, активировал артефакт. Неприметное тонкое колечко на мизинце вспыхнуло, и я поспешила отвести взгляд: видеть работающие артефакты было привилегией одаренных, а я... совсем не ведьма. Ни капельки. Ни даже самую малость.

От задумчивого взгляда Эрика меня освободило явление разраженной Лори. Судя по поджатым губам и ярости в глазах, она действительно попыталась, но не преуспела в поднятии таза. Увы, но светловолосой красавице магического дара не досталось вовсе, и, видимо, поэтому боги не поскупились на иные подарки: по гордой (но не слишком, если подарки дороги) певице вздыхало почти все мужское население улицы, за что не раз получало внушение от своих вторых половин. И один лишь Эрик не упускал случая уязвить Лориетту, отчего был ею люто ненавидим.

Она и сейчас не удержалась от презрительного смешка в его адрес, демонстративно тряхнула гривой светлых, как у большинства благородных родов, волос, заправила одну из прядей за ухо, провела ладонями по точенному стану, заставляя всех заметить и пышную грудь, и тонкую талию, и широкие бедра, и, обдав очередь запахом терпких южных духов, прошествовала вверх по лестнице. Увы, пока лишь на второй этаж. Ее нынешний благодетель оказался не самым щедрым поклонником и не пожелал оплачивать третий, элитный этаж, где все удобства имелись сразу в квартире.

– Когда-нибудь она тебя отравит, – хмыкнула я.

– А ты ей поспособствуешь? – усмехнулся Эрик и, не давая мне шанса оскорбиться, скрылся за дверью освободившейся уборной. Я же... сжала и разжала кулаки, беря себя в руки и убеждая, что это всего лишь подколка, а не взвешенное обвинение, потому не стоит придавать ей большого значения.

К своей чести, пробыл Эрик в уборной совсем немного, будто стоял всю очередь ради банального «помыть руки», после чего, раскланявшись со всеми, ретировался наверх. То ли спешил на поиски новой работы, то ли просто не считал нужным проводить много времени в подвале, когда солнце проснулось и согревало всех желающих.

– Ну, ты идешь? – Меня подтолкнули в спину, и я юркнула в уборную, пока меня не оттеснили. А бывало в нашем дружном коллективе и такое: чуть зазеваешься – и иди в конец очереди. Но сегодня мне подозрительно везло.

Быстро ополоснувшись, привела себя в достойный вид и, под облегченные вздохи двух дожидавшихся освобождения комнаты девушек, вернулась к себе. Плеск воды и принесенное им облегчение помогли выкинуть из головы

утверждение Эрика, а потому я вдохнула полной грудью и... поняла, что времени-то расслаживаться у меня и нет.

Сверху уже скрипели половицы, а значит госпожа Лийе, хозяйка дома, начала накрывать в столовой. Нам, постояльцам подвалов, вкушать кулинарные изыски в столовой не полагалось, а вот взять плошку каши – очень даже. Если повезет – каша достанется с мясной подливкой, оставшейся после приготовления жаркого.

Облизнулась в предвкушении и... получила желаемое. И, сидя на ступеньках задней лестницы, уплетая завтрак и делясь его частью с пушистым белым котом (а может и кошкой, кто их разберет-то с безопасного расстояния), я задумчиво смотрела на наш неуютный задний двор.

– О, госпожа Лийе тебе сегодня прямо благоволит! – Эрик присвистнул, оценив остатки подливки в моей тарелке и один цельный кусочек мяса. С ноготок, но все же.

– Должно же хоть что-то поправить мое пошатнувшееся настроение после нашей встречи, – фыркнула я и отдала последний кусочек мяса коту. Даже моргнуть не успела, как он исчез в клыкастой пасти, а после меня облагодетельствовали комком белой шерсти, потерявшись о платье.

– Поговаривают, именно поэтому ведьмы не заводят белых кошек.

– Хорошо, что остальным ничего не мешает, – я пожала плечами и потянулась, чтобы погладить кота. Тот привстал на задние лапы и ткнулся головой в мою ладонь, благодаря. – Пока, киса, – вздохнула я, поднимаясь на ноги.

– А со мной попрощаться? – Эрик вздернул бровь, но я покачала головой, наградив его хитрой улыбкой.

– С тобой попрощаешься – и ты тут же придешь здороваться. А у меня еще дел сегодня... Иди лучше к Лори, раз уж совсем нечем заняться.

– Я мог бы помочь тебе, – будто между прочим заметил Эрик, подбираясь ближе. Втянул носом воздух и прищурился.

– Только не говори, что щедрость госпожи Лийе была вызвана испорченностью продуктов, – касаясь живота, попросила я. – Иначе я не прощу себе, что так поступила с котиком.

– Нет, с мясом все в полном порядке, – поморщился Эрик и отступил на шаг, отворачиваясь. – Показалось, видимо.

– Ну, чтоб не казалось, нужно хоть раз в неделю посещать храм, – припомнила я рекомендации жреца. – Можно даже чаще. Хотя, я смотрю, тебе не помогает, а говорили действенный метод.

– Когда это ты видела меня в храме? – заинтересовался Эрик. И интерес его был столь выразителен, что я предпочла пойти на попятную.

– Показалось, наверное, – вернула рыжему его же фразу и пожала плечами. – Но ты все равно сходи. Демоны пусть и ушли в подполье, но кто знает, где их можно случайно встретить.

– Кто знает... – согласно протянул Эрик и убрал за ухо выбившуюся из прически прядь. Переделывать весь хвост ради такой мелочи он явно не собирался.

– Удачи с новой работой, – пожелала я, отдавая дань вежливости.

– Спасибо, – серьезно кивнул рыжий. Слишком серьезно для обычного проходимца, коим мы все привыкли его видеть, но думать над этим я не стала. Зря, конечно. Но больше меня занимало проклятое везение.

Уж лучше бы госпожа Лийе сожгла мясо и раздала обитателям подвала угольки, чем вот так. Живот протестующе забурлил. А я решила... не предпринимать ничего незаконного сегодня. По крайней мере, попытаться. Необходимость наведаться в другой подвал хоть и была, но до завтрашнего дня зелье могло и потерпеть. В отличие от туфель, у которых осенью прохудилась подошва и чей ремонт я все откладывала, отговариваясь холодами и снегом. Но вот и снега нет, а туфли в надлежащий вид так и не приведены.

Что ж, пришло их время.

Монеты приятно оттягивали карман юбки, давая ложную уверенность в себе. Мастер Лиам, сухонький, пожилой господин, живший через две улицы от моего подвала, заверил, что туфли прохудились не так сильно, как мне казалось, и взял лишь часть приготовленной для оплаты суммы, заставив меня в очередной раз помрачнеть.

Странное везение не хотело меня покидать, подбрасывая все новые неожиданности, как то второй пирожок от лоточника за полцены или промчавшуюся мимо и не обрызгавшую меня лишь чудом карету. Грешным делом, я даже начала подумывать зайти сегодня в лавку артефактора, раз уж день стремится стать лучшим за последний год, но справедливо рассудила, что на этом-то мое везение и закончится. И не пошла. А надо было идти. Определенно. Лучше бы свинью мне подложили там.

Но ничто, кроме везения, разумеется, беду не предвещало, а потому я рискнула податься в городской парк, место публичное, ухоженное, с приличными, по слухам, людьми. Здесь уже и дорожки были очищены от грязи, и трава проросла, и деревья цвели и радовали глаз, чего нельзя было сказать про уши. Насекомых я не любила, но если тараканы, клопы и блохи были злом известным, предсказуемым и отработанно выгоняемым, то пчелы... пугали. И даже то, что моя сила тяготела к природе, не могло избавить от страха перед этими созданиями.

Медленно, стараясь не привлекать жужжащего внимания, я проплыла мимо облюбованной пчелами магнолии и выдохнула, оставляя рой позади. Стерла выступивший на лбу пот и посеменила вглубь парка. Сюда обычно не добирались празднично шатавшиеся по центральным аллеям аристократки, почтенные матроны не таскали выводки детей, а стража появлялась лишь для того, чтоб отметить дежурство на сигнальном артефакте и ретироваться в более людные и прибыльные места. Я же любила дальние аллеи, их спокойствие и умиротворенность, отсутствие людей и пение гнездящихся здесь птиц. А еще... травы. Даже здесь, в центральном городском парке можно было найти что-нибудь интересное. Птичкам ведь закон не указ – они что угодно могут в клюве принести, а после обронить в землю. И прорастали порой по весне – месяц исправительных работ за хранение, год тюрьмы за распространение и венец всему – пожизненное за использование. А всего лишь три неприметных цветочка, один другого скромнее. Впрочем, и кроме них вдоль дальних аллей было чем поживиться.

Я воровато огляделась и сошла с тропинки, приподняв юбку и радуясь, что туфли еще были у мастера. Даже в этом повезло – иначе утопила бы их в грязи, рассмотрев на вершине холма яркие бутоны велинии высокогорной. Вероятно, ее принесли сюда птицы, а унести собиралась я.

Дыхание перехватило, и я облизнула пересохшие губы. Настоящая удача найти ее здесь. И мне бы сообразить, что такого везения просто быть не может, но я слишком ее хотела.

Холм, как назло, оказался достаточно крутым. Подошвы скользили по мокрой земле, зарывались в грязь, но я не сдавалась, цепляясь за высокие прутья кустарников. Причина моей одержимости была проста: отвар из велинии ненадолго, но притуплял ведьминский дар, а значит мог мне пригодиться в любой момент. И пусть официально ограничений на продажу этой травки в Балиаре не было, едва ли травник не сообщал куда следует о покупателях. А мне не хотелось привлекать еще больше внимания к своей персоне.

Наверное, стоило отступить, еще когда нога соскользнула вниз и я чудом удержалась на склоне, оставив после торможения две узкие канавы. Увы, я слишком хотела велинию и готова была потерпеть небольшие неудобства на пути ее достижения.

С трудом удерживая равновесие, я наклонилась, чтобы сжать стебель. Хорошая новость – мне это удалось. Плохая – хорошие новости на этом закончились, и сила тяжести стремительно потащила меня вниз. Но и тут повезло: шею я не свернула, хотя сколько придется отстирывать платье... посчитать не успела, скатившись вниз и затормозив ровно у чьих-то дорогих сапог.

– А вот и первая кандидатка, – весело заметил незнакомый голос, и мне очень захотелось, чтобы и его обладатель, и стоявший рядом инквизитор оказались последствиями удара головы о камень. В противном случае, пришла моя расплата за удачу. С процентами и пеней.

– И я даже не удивлен, – усмехнулся блондин и, опустившись на корточки, чтобы наши лица оказались на одном уровне, добавил: – Добрый день, госпожа Тронс.

– Здравствуйте. – У меня даже получилось улыбнуться. Не слишком искренне, но достаточно вежливо, чтобы собеседник понял, насколько мне хотелось бы

оказаться в другом месте. Попробовала подняться, но попытка принесла лишь боль в лодыжке. На глазах выступили слезы, таким резким был приступ.

– Дамиан, вы знакомы? – вмешался в наш обмен любезностями спутник блондина, темноволосый маг с худым бледным лицом, не скрывавший принадлежность к инквизиторской братии: серебряный знак ордена был приколот к воротнику пальто.

Хм, я осела на землю, уже не думая о сохранности юбки. Судя по отсутствию форменного мундира, инквизитор был не при исполнении, а значит до тех пор, пока я не совершу чего-то противозаконного, его полномочия ограничены.

– Немного, – задумчиво отозвался блондин и пояснил для собеседника: – Вчера познакомились.

– О, – с пониманием протянул его собеседник и по примеру товарища опустился на корточки. – Значит это вам я обязан незабываемыми ароматами, до утра витавшими в моем кабинете?

– Простите, я не знаю, кто вы, – честно ответила я, виновато пожимая плечами. Попыталась было сменить позу, но поморщилась, почувствовав, как боль в лодыжке усилилась. А ведь могла и шею свернуть на потеху наблюдателям...

– Доминик Лакрей, – представился брюнет, обозначив вежливый кивок.

Я подавилась воздухом и поняла, что пора начинать молиться. Кому? Да всем без исключения. Разве что демонов следовало обойти стороной, с ними связываться – себе дороже, но если обстоятельства вынудят... От волнения пересохла губы, но я не рискнула что-либо предпринимать, во все глаза глядя на главу Биленской службы по контролю за одаренными и их деятельностью.

– Вижу, вы знаете, кто я, – улыбнулся Доминик и предложил: – Чистосердечное признание?

Я глубоко вдохнула, подумала немного и, решив, что и так задний двор тюрьмы маячит неубранным плацом, рискнула кивнуть.

– Благодарю за сотрудничество. – Мне протянули руку, помогая подняться. И, убедившись, что я не стремлюсь вновь припасть к земле, крепко сжимая его ладонь, инквизитор добавил для своего спутника: – Скоро вернусь.

– Я бы на это не надеялся, – хмыкнул Дамиан и, перехватив мой осуждающий взгляд, заметил: – Пожалуй, я к вам присоединюсь. – И пояснил для друга: – Давно не был в театре, наверстываю.

На миг мне показалось, что на лице Лакрея обозначилась недовольная морщинка. Будто он не был рад словам своего спутника. Но отказать инквизитор, похоже, не мог, а потому кивнул утвердительно.

Мне слова Дамиана тоже не понравились. Да что там не понравились! Если бы можно было лишиться дара речи одним взглядом и не отправиться за сие благое деяние драить плац пожизненно, я бы может и рискнула, но... сейчас было не место и не время. А потому я глубоко вдохнула, успокаиваясь и собираясь с мыслями, и позволила увлечь себя в открывшийся портал.

Комната, в которой мы оказались, пусть и была мне незнакома, но я не сомневалась, что где-то здесь, неподалеку, находится и давешний кабинет, где прошло мое первое выступление перед замещавшим главу инквизиции Дамианом.

И тут мне вновь поплохело. Боль в лодыжке мешала думать, как и насмешливые взгляды зрителей, но я четко осознала: дело дрянь. Прохожий с улицы не смог бы замещать главу инквизиции, а раз уж он это сделал, значит имел на то и полномочия, и желание. А я врала не просто инквизитору при исполнении, а... кому-то еще, и лучше мне не знать, кому именно.

Лакрей тем временем сел в кресло и хозяйским жестом сгреб часть бумаг в открывшийся по щелчку ящик стола. Мне кивнули на кресло напротив. Даже на вид оно казалось мягким, но... слишком дорогим, чтобы я могла себе позволить после валяния в грязи в него сесть, потому так и осталась балансировать на одной ноге, одной рукой аккуратно держась за край стола.

– Присаживайтесь...

– Эвильен, – подсказал Дамиан, обходя стол друга и указательным пальцем касаясь одной из папок. Я вытянула шею и с неудовольствием увидела собственное имя, выведенное каллиграфическим – у меня бы так не получилось – почерком.

– Не хотелось бы испортить обивку, – призналась я смущенно под сдвоенным требовательным взглядом. Доминик только усмехнулся, а у меня все волосы на коже поднялись от окутавших тело чар.

– Садитесь, обивка теперь в безопасности, – заверили меня, но я и сама поняла, что сэкономила на прачке. Если бы еще удалось избежать похода к целителю... Боюсь, последний съест весь мой месячный бюджет. Услуги магов слишком дороги для обычного смертного.

– Благодарю. – Я чинно присела, положив руки на колени и широко раскрытыми глазами ожидая продолжения. И даже смешок, раздавшийся за спиной, не заставил меня вздрогнуть.

– Начинайте, – предложил Доминик, раскрывая мое дело так, что я видела верхние строчки со своим именем и ничего больше, хотя строчки определенно были полны слов.

– Конечно, – охотно кивнула я, запрещая себе думать обо всем, что могло бы испортить мой образ честной горожанки, решившей сорвать красивый цветочек и принести его домой, чтобы вдоволь полюбоваться.

– Вот как? – Лакрей вздернул бровь, давая понять, что мои опасения не были приступом паранойи. – И в чем же вы собирались мне признаться в таком случае?

Он подался вперед, откладывая папку, но взгляд у менталиста оказался вовсе не злым. НЕ ЗЛЫМ?

Я опустила голову, разрывая зрительный контакт. Еще чего не хватало: смотреть в глаза ментальному магу! ЕЩЕ ОДНОМУ! Будто стоявшего за спиной Дамиана мне было мало. Осознание того, что этот маленький факт сам собой вылетел из головы и лишь сейчас, когда ситуация повторялась, я смогла вспомнить об этом незначительном обстоятельстве нашей прошлой беседы, меня

практически подкосило. Хорошо, что кресло не дало пошатнуться.

– Признание, Эвильен. Мы собрались здесь из-за него, – напомнили мне из-за спины и положили ладони на плечи, давая понять, что подняться я смогу только в одном случае – если мне позволят. И это разрешение еще придется заслужить.

– Да... Конечно... – вышло тихо и как-то пришиблено. Я же понимала, что последует дальше. Глубоко вдохнула и выпалила: – Чистосердечно признаюсь, что знаю, кто возглавляет Биленскую службу по контролю за одаренными и их деятельностью.

Сказала и затаила дыхание. Главное не думать, а если мысли так и лезут в голову – лучше говорить. Честно и открыто. Например...

– Почему вы такой красивый? – протянула я расстроено. Бывает же такая несправедливость. Может, я бы с радостью на них посмотрела, если бы каждый не пытался извлечь из моей головы состав преступления, КОТОРОГО Я НЕ СОВЕРШАЛА.

– Разумеется, – усмехнулся Лакрей, давая понять, что рассчитывать на приватность не приходится.

Я видела, как он откидывается на спинку кресла, как сводит пальцы треугольником, как изгибаются в странной улыбке губы. Увидела – и отвернулась, почувствовав, как пальцы уже совсем другого мужчины сжали мои плечи. Синяков бы не наставил...

– Не ревнуй, – фыркнул брюнет. Казалось, ситуация его забавляла. – Лучше давай послушаем, что еще поведает нам, – он сверился с папкой, – госпожа Эвильен Тронс о прогулке в парке и внезапной тяге к цветам.

– Хотела украсить свое недостойное жилище. – Я шмыгнула носом от жалости к самой себе. Припомнила все выпавшие на мою долю испытания и вывалила перед менталистами. А что – сами хотели. Пусть теперь наслаждаются зрелищем. Я что зря в поисках более-менее пристойного варианта все комнаты доступные для съема осмотрела? Из нижней части списка, конечно. На верхние даже Лори претендовать не могла.

– И именно велинией высокогорной?

– Что в парке росло и никому не нужно было, то и хотела взять, – призналась и потянулась было в карман за платком, чтобы утереть выступившие от пристального, не моргающего взгляда слезы, но не успела: мне на колени спланировал чужой аксессуар. Пришлось ловить, пока шелковая ткань не упала на пол, а там и слезы вытирать, раз уж до них дело дошло. Вот только чего я не ожидала, что едва я промокну глаза, как платок у меня самым варварским способом из рук выхватят.

– Прекрасно, – прокомментировал Лакрей действия сообщника и вновь обратился ко мне: – Продолжайте, Эвильен. Значит, велиния была просто необходима вам в вашем, – он замялся, подбирая слова, – жилище?

– Цветок, – поправила я, пытаюсь разглядеть, что творит с украденным платком блондин. – Мне бы любой подошел, главное – бесплатный. А здесь такой красивый, бесхозный...

– Все растения парка принадлежат короне, – напомнил Лакрей.

– Но высажены же они за-ради жителей столицы? Для их удовольствия и благодарности за королевскую щедрость, – нахмурившись, я частично процитировала надпись на камне-памятнике, установленном перед главным входом в парк.

– И в чем же выражается ваша благодарность, госпожа Тронс? – продолжал допытываться инквизитор.

– В верности и преданности королю и отечеству?.. – я попыталась угадать правильный вариант, чем вызвала одинокий смешок у Лакрея.

– И вы готовы ее доказать?

И так насмешливо это прозвучало, что я почти поддалась на провокацию и ляпнула «да», но вовремя остановилась. Закрыла уже открывший рот, сжала зубы, чтобы случайно не выпалить еще чего-то, что можно было истолковать как обещание, и задумалась. Ненадолго, впрочем. Инквизитор словно задался

целью не дать мне думать. И пусть я и сама собиралась лишь говорить, в процессе узнавая, что же у меня на уме, то, как Лакрей взялся поддерживать мою инициативу... пугало.

– Что же вы, госпожа Тронс, замолчали? – Инквизитор поднялся из кресла и, обойдя стол, оперся о него бедром.

Я упорно молчала, не поднимая глаз выше его подбородка. Породистого, сразу видно: не одно поколение предков сменилось прежде, чем был достигнут результат.

– Завидую, – тяжело вздохнув, призналась я, выбирая самый безопасный из вариантов ответа. Ведь не может верный подданный короны заявить, что в гробу видал все те долги, что так любят просить короли и их свита.

– А вот и измена, – довольная улыбка скользнула по губам Лакрея. – Забирайте, герцог. Даже если девушка и не ведьма, то теперь это ваше ведомство.

– Какая измена? – от полноты чувств – коленки определенно знали, что дело пахнет смолой – выпалила я и таки заглянула в глаза инквизитору.

– «Ведь не может верный подданный короны заявить, что в гробу видал все те долги, что так любят просить короли и их свита», – легко процитировал брюнет и вздернул бровь, дескать, что еще нужно: состав преступления на лицо.

– Но, позвольте! – Я вскочила на ноги, чуть не упала от резкой боли, но отступить было некуда – приходилось терпеть. Сглотнула, понимая, что песенка моя практически спета, но добровольно идти на погост я не собиралась. – Во-первых, это не мои слова, а ваши. – Лакрей усмехнулся, но перебивать не стал, будто его забавляли мои попытки вывернуться непонятно из чего. – Во-вторых, вы вслушайтесь в собственное заявление! Верный подданный не может заявить. Не может! – Я вздернула указательный палец для придания себе большей значимости. – Значит – всячески не согласен с тем пасквилом, что вы произнесли дальше. Верный подданный готов выполнить все, что потребуется, лишь бы король спал спокойно! – закончила я патетично и осеклась, когда инквизитор исполнил три поощрительных хлопка. Как в театре, когда постановка не соответствует вкусам, но старания труппы оценить следовало.

– Достаточно, – сухо заметил Лакрей, и всякие эмоции покинули как его лицо, так и голос. Он больше не казался милым и доброжелательным, любой намек на насмешку исчез из синих глаз брюнета, а я... меня все силы покинули разом. Хорошо еще, что кресло позади стояло. В него-то я и рухнула, как-то сразу поняв, что шутки кончились.

– Дамиан?

– Еще пару минут, – прохладно отозвался блондин, а мне даже думать не хотелось, чем он сейчас занят. И так было ясно: ничем хорошим лично для меня.

– В таком случае приношу свои извинения за прерванный спектакль, – серьезно заметил инквизитор и добавил: – Эвильен, вы можете продолжить.

Я предложением не стала пользоваться.

– Ну же, вы же хотите рассказать, как мы неправы на ваш счет? – уговаривал Лакрей. Его голос вновь обрел те бархатные, доверительные нотки, что и прежде, но я упрямо сопела и молчала. – Госпожа ведьма?..

– Я не ведьма, – шепотом отозвалась, не поднимая глаз. – Никакая. Я. Ни ведьма, – сказала, и на душе так грустно стало. Даже обидно. Ведь была бы я настоящей ведьмой – камня на камне бы здесь не осталось. А так...

Перед глазами поплыло, и я стерла выступившие слезы рукавом, игнорируя протянутый платок. На сей раз другой, простой, белый, хлопковый. Его протягивал инквизитор и смотрел при этом даже немного сочувствующе, но я не обольщалась.

Менталисты – они не люди, доведут до белого каления, расшатают психику до полной невменяемости, а после платок протягивают как ни в чем не бывало. Всхлип вырвался сам собой. А после – второй, третий... Пока платок я все же не взяла.

– Ненавижу вас, – сказала честно и откровенно, хлюпая носом и глотая слезы. Мужчина напротив промолчал. То ли слов не нашел, то ли не считал нужным

разоряться...

– Как я и говорил, – нарушил молчание блондин, но я не стала оборачиваться. Мне вообще ничего не хотелось. Разве что оказаться подальше от этого всего.

– Увы, с исполнением вашего желания придется подождать, Эвильен, – строго заметил коллега инквизитора, появляясь в поле моего зрения и тыкая под нос окрасившийся лиловым платок. – Вы ведьма, Эви, как бы ни доказывали нам обратное и как бы нам, – он усмехнулся, – не хотелось вам верить. – И предвосхищая мои дальнейшие отнекивания, Дамиан добивал: – Не нужно упорствовать, мне и самому не хотелось бы касаться индариума.

Я сглотнула. Даже простое упоминание о проклятом для каждого одаренного металле заставляло испытывать ощутимую боль. Одно касание могло с легкостью подтвердить или опровергнуть наличие силы у человека, вот только сейчас даже инквизиция оставила в прошлом этот варварский метод проверки. Но, видимо, не во всех случаях.

– Зачем... вы так? – Вот и все, что я могла сказать. Губы дрожали, и внятно вышло не с первого раза, но меня услышали и поняли.

– То есть признаетесь? – Дамиан появился в поле моего зрения, приблизился и заглянул в глаза. И, мне могло показаться, но я отчего-то решила, что мужчина и сам не слишком доволен собой. По крайней мере, он первым отвел взгляд, досадливо поморщился и отстранился, передавая право вести беседу более привычному к подобному инквизитору.

– Эвильен? – подал голос Лакрей. – Вы подтверждаете, что относитесь к одаренным неклассического типа?

– По угрозой индариума – да. – Я кивнула, обнимая себя руками, пытаюсь хоть так почувствовать себя защищенной.

– Это все, что ты хотел узнать? – Лакрей как ни в чем не бывало обратился, судя по легкости перехода, к другу.

– Разумеется, нет, – едко ответил Дамиан, но покосился на меня и сменил тон. – Госпожа Тронс, Эвильен, приношу вам свои извинения.

От неожиданных слов блондина мне стало не по себе. Меньше всего я ждала извинений после того, что случилось. И пусть пока официально они могли предъявить мне лишь уклонение от регистрации и, как следствие, непрохождение трехмесячных курсов по «управлению силой», где всеми правдами и неправдами у неклассических одаренных, как называли ведьм в документах, пытаются вызнать их особый дар, очевидным было одно: моей спокойной жизни пришел конец. И стоит мне хоть единожды попасться, а провоцировать, определенно, будут, и... что будет дальше я не знала, но догадывалась, что мне не понравится. В противном случае, ведьмы бы из столицы не бежали.

– Не хотите их принять? – напомнил о себе блондин, заметив, что я отвлеклась.

– Не хочу, но принимаю, – насупившись, сказала я.

– Отлично, в таком случае перейдем к другому делу.

– А разве...

– Нет, прилагать столько усилий, чтобы подвести вас под регистрацию, было бы лишней тратой ресурсов. Даже вкуче с торговлей без лицензии и другими мелкими прегрешениями, – вмешался в беседу инквизитор. – Хотя если посчитать, – он нахмурил брови, что-то вычисляя, а после расслабился, перечисляя: – Отсутствие регистрации – пятьдесят золотых, нахождение без регистрации неклассической одаренной – сто золотых в месяц, пропущенный курс для одаренных столицы – пятьсот, ложь представителю власти – тысяча золотых или два года исправительных или общественных работ, штраф за мелкое хулиганство – десять золотых. Изготовление зелий и торговлю без лицензии пока оставим в стороне, но, полагаю, доказать это будет лишь делом времени, верно? – Я промолчала. – Итого тысяча восемьсот шестьдесят золотых и две недели общественных работ на вашем счету на данный момент, госпожа Тронс.

– Индариум нельзя применять без веских оснований.

– Наши основания – очень веские, – пожал плечами инквизитор. – В полномочиях его светлости одобрить использование проклятого металла.

– Довольно, – оборвал чересчур болтливую коллегу Дамиан. – Не слушайте его, Эвильен.

– Никого из вас слушать не хочу, – вырвалось непроизвольно, но очень честно. Слишком уж нарочитым было это разделение ролей. Один пугает, другой втирается в доверие. – Что вам от меня нужно, раз уж вы до сих пор держите меня здесь и пугаете?

– Больше не будем пугать. – Примирительно поднял руки блондин. – Конечно, если вы согласитесь на мое предложение.

– Какое?

– Сначала клятва о неразглашении, – напомнил Лакрей. Поднял руки, изображая весы, и проговорил: – Клятва, – ладонь правой руки качнулась вниз, – или неприятности, – левая опустилась к самому столу, на котором (какое совпадение!) лежало мое личное дело. Лежало и ни на что не намекало. Совершенно вот ни на что.

– Клятва, – тяжело вздохнув, приняла я реальность.

Мне со всем почтением протянули перочинный ножик и, дождавшись, пока нужные слова сорвутся с губ, а кровь прочертит ручеек на пальце, продолжили:

– Я хочу предложить вам работу, – начал блондин, убирая нож подальше. – Срок пока не определен, но не менее двух недель, что вы уже должны. Вероятнее всего, вы продержитесь дольше.

– Я... что?

– Продержитесь дольше. Срок вашей работы будет зависеть не только от меня, – пояснил Дамиан.

– А от кого? – рискнула уточнить я.

– От моего друга, – усмехнулся собеседник и, пока я ошарашенно на него смотрела, заметил: – Даже так выглядите неплохо. Так уж вышло, Эви, что наш дорогой друг терпеть не может представительниц вашей братии. Печальный личный опыт, да и статистика участия ведьм в заговорах не может не удручать.

Дамиан притворно вздохнул, а Лакрей с осуждением воззрился на меня. А я что? Я ничего. Даже не темная.

– Что удивительно, темные ведьмы редко участвуют в этих проигрышных мероприятиях.

– Интуиция, – завистливо вздохнула я.

– Мы тоже склоняемся к тому, что среди них есть оракулы, – поддержал мою мысль Дамиан и продолжил: – Мой друг не желает видеть ни одну ведьму. – И я было воспряла духом, но следующая реплика заставила весь мой энтузиазм потухнуть: – Но мы с Домиником не уверены, что это верное решение. Неклассические одаренные могут быть весьма полезны, если преданы нам.

– А если – нет?

– Твоей задачей будет выявить таких и мне доложить, – не поддался на провокацию Дамиан. – Героизма я не жду, но ведомство умеет быть щедрым.

– Насколько щедрым? – Вопрос был не слишком уместен, но я рискнула полюбопытствовать.

– Скажем, если вы справитесь со своей задачей, и во время, кхм, мероприятия не произойдет ни одного происшествия с участием неклассических одаренных, или же вы сможете предотвратить таковые, вовремя поставив меня или Доминика в известность, мы забудем про ваши незначительные нарушения и в знак признательности... – Дамиан сделал паузу, а у меня от напряжения даже пальцы на ногах поджались. – Скажем, выплатим вам сумму, вдвое превышающую ваш долг, забудем о ваших штрафах и, если будет за что, не только решим вопрос с регистрацией, но и выдадим лицензию на беспошлинную торговлю. Разумеется, после того, как вы сдадите квалификационный экзамен. Преподавателя тоже предоставим, – добавил

блондин под моим почти влюбленным взглядом. Столько плюшек на меня еще никогда не сваливалось. – Вас устраивает такая награда?

– Дааа, – мечтательно выдохнула я, а после, чуть помедлив, заметила: – Но вы же понимаете, что ради такого мне придется пойти на все?

– Конечно, – довольно усмехнулся блондин.

– Настолько на все, что даже если ведьмы не будут мешать вашему другу развлекаться, я буду просто обязана вмешаться, чтобы получить особую награду?

– Значит, Эвильен, вы согласны нам помочь? – проигнорировал мои слова Дамиан. Я быстро-быстро закивала, пока они не передумали. И хоть прекрасно понимала, что подписываюсь на что-то крайне сомнительное, отказаться не могла. И в первую очередь не из-за награды. Просто... когда предлагают столько всего и предложение исходит от инквизиции, отказ может оказаться не совместим с долго и счастливо. И им за это даже ничего не будет.

А в случае согласия – будет. Я уж как-нибудь, но постараюсь отомстить.

– Вы же понимаете, Эвильен, что мы все слышим?

– А я и не пыталась это скрыть, – растянула губы в улыбке я.

– Что ж, ваша искренность подкупает. Как и ваша ложь. Договор. – Мне протянули заполненные мелким шрифтом бумаги. – Перо. – Сунули в руку его металлического собрата.

– Кровью? – поморщилась я.

– Подойдут и чернила, – усмехнулся Дамиан, – но если желаете...

Я не желала, а потому, шумно выдохнув, резко черкнула в месте для подписи. Бумага вспыхнула, обдавая меня жаром, а блондин довольно кивнул.

– Что ж, Эви, я ведь могу вас так называть? – Я отрицательно покачала головой, но, кажется, на это никто не обратил внимания, ибо Дамиан продолжил: – У нас много работы, Эви, через два дня вы должны уже быть во дворце.

– Где? – Я отчаянно мечтала о слуховых галлюцинациях, но...

– Во дворце, Эви. Его величество объявляет отбор, и вы в нем участвуете.

Глава 2. Добро пожаловать, мы вас не ждали

– Но ведь... – начала было я, пытаюсь так выстроить свою мысль, чтобы никого не обидеть, но Дамиан лишь отмахнулся.

– После того, как вы подписали договор, это решенный вопрос, – отрезал блондин и кивнул инквизитору: – Я не заносил о ней записи в общий реестр, но, проверь, чтобы нигде ничего не всплыло. Георг может поручить магистру Трее дополнительную проверку кандидатов.

– Конечно, – легко согласился инквизитор, и я огромными от удивления глазами наблюдала, как папка с моим личным делом, что так угрожающе лежала на столе, начала медленно рассыпаться прахом. Так просто – раз, и все.

– Идемте, Эви, у нас еще много дел, – Дамиан не дал мне насладиться зрелищем, протягивая руку, чтобы помочь подняться. Пришлось подчиниться, вот только:

– Куда вы меня ведете? – Вопрос застал блондина уже в дверях. Он обернулся, отчего я чуть не врезалась в него, и, перехватив обе мои руки – предосторожность, увы, работающая больше с магами, которым руки нужны были для колдовства, – ответил:

– Вы же не откажетесь погостить у меня эти два дня? – И сказано было так ласково, что сомнений не оставалось: конечно, не откажусь. Жизнь и свобода дороже, а два дня можно и потерпеть.

Впрочем, уже спустя три часа я думала немного иначе, стоя на низком табурете и пытаюсь вдохнуть. Воздух отказывался без боя поступать в легкие, намекая, что корсет можно и ослабить. И я бы так и поступила, но госпожа Бонартье бдела, прохаживаясь из стороны в сторону и цепко, чувствовался опыт работы в балетной школе, следила за каждым моим движением. Только-только пальцы чуть качнутся – тут же суровый взгляд напомнит, как нужно стоять, когда вокруг суетятся горничные. А если взгляд не поможет, то поглаживание лакированной тросточки, что госпожа Бонартье не выпускала из рук, любовно оглаживая, приведет в чувства. Очень уж не хотелось ощущать ее нежных прикосновений.

– Расправь плечи... Не сутулься... Что у тебя с руками?.. Неужели так сложно пару минут постоять неподвижно?.. – Сыпалось на меня как из рога изобилия, а корсет затягивался все уже, словно был не элементом одежды, а пыточным орудием.

– Достаточно. – Госпожа жестом остановила одну из горничных, но я не обольщалась. Дважды уже ошиблась, приняв это «достаточно» на счет прекращения своих мучений. А потому я затаила дыхание, но почти не расстроилась, когда комнату покинула одна из горничных, принеся из кухни чашки с водой.

Взгляд, каким «наставница» наградила меня, мне не понравился. Еще больше мне не понравилось, когда на голову водрузили книгу, заставляя стоять не шелохнувшись, а на разведенные в стороны ладони поставили эти самые треклятые чашки с водой. Хорошо еще, что горничные перестали сновать вокруг и корсет больше не затягивали, иначе быть нам всем мокрыми.

То, что кто-то вошел, я почувствовала сразу. Сквозняк мазнул по босым пяткам, сделал попытку забраться под юбку, поднимая подол, но потерпел поражение, едва гость захлопнул за собой дверь.

– Как успехи? – поинтересовался новоприбывший голосом, как оказалось, герцога Аверстала. То-то мне подменный инквизитор сразу не понравился, а уж после официального представления... Одно обнадеживало: пока замену мне не нашли, дела мои были не столь печальны, как могли бы быть. Но герцог Аверстал... Хотя, к чему бояться герцога, когда он меня толкает на ложь королю?..

– Ей не мешало бы похудеть, – пожаловалась госпожа Бонартье, касаясь концом трости моей талии с обеих сторон. – Как бы мы с бедной Хлоей ни старались, но до идеала еще далеко! – Возмущение, отразившееся на моем лице, госпожа проигнорировала, продолжая изливать душу: – А осанка? Это просто издевательство! Стоит мне отвлечься, как она, – мне достался уничижительный взгляд, – теряет всякое сходство с человеком. Это не леди, это абориген Южных островов. А ее походка...

– Каблуки скорректируют, – оборвал стенания госпожи Бонартье герцог, а я пошатнулась, почувствовав, как чужие ладони легли на мою талию, а шею опалило теплое дыхание. От смущения мое лицо запылало. Так неудобно мне не было даже в кабинете инквизитора, когда герцог позволил себе лишнее. В тот раз на мне хотя бы был весь комплект одежды, а сейчас... стоя вот так, посреди комнаты, в одной сорочке, поверх которой затащили корсет, проверяя на крепкость мои ребра, я чувствовала себя крайне уязвимо.

От чужих прикосновений по спине пробежали мурашки, а когда герцог, усмехнувшись, взялся за казавшийся мне декоративным бант у воротника и после легко потянул вниз больше не удерживаемые вместе части сорочки, обнажая не только шею, но и все, что не было объято корсетом, у меня перехватило дыхание. Дрогнули руки, и, если бы не расторопность служанок, выхвативших из пальцев чашки, мы оба оказались бы мокрыми. И если Дамиану в его полном облачении, едва ли было бы стыдно от нескольких мокрых пятен, то мне...

А меж тем его пальцы водили по коже, словно желая узнать, сколько волн мурашек могут вызвать его прикосновения и... холод. Я надеялась, что все спишется на последний, но тщетно. Судя по тихому фырканью у меня за спиной, Дамиан прекрасно знал, что и зачем делает.

Книга съехала с моей головы, когда, в очередной раз оценив мою талию, мужчина крутанул меня на месте. Теперь он мог видеть все: и мое красное от смущения лицо, и как часто вздымается грудь, и насколько ее подчеркивал узко затянутый корсет.

– Все вон, – приказал герцог, и я бы с радостью последовала его приказу, как тому беспрекословно повиновались и слуги, и госпожа Бонартье, но мою робкою попытку сойти с табурета пресекли, одной рукой придерживав за талию, а другой скользя по обнаженным лопаткам.

– Вы ведете себя недопустимо, – шепотом выдохнула я и потянулась было, чтобы остановить поползновения чужих конечностей, но мои руки перехватили. А после, сведя запястья вместе и удерживая их одной рукой, второй, как ни в чем не бывало, продолжили исследование.

– Я знаю, – довольно сообщил Дамиан, а его пальцы зарылись в мои распущенные волосы. – Но не могу отказать себе в удовольствии.

– Это!..

– Т-ш. – Подушечка большого пальца коснулась моих губ, призывая к молчанию. И мне пришлось повиноваться, чтобы... Чтобы ситуация не стала еще более недопустимой, чем уже была. А герцог был доволен. Моим смущением, моей вынужденной покладистостью...

От обиды захотелось плакать, и, кажется, лицо я не удержала, потому что не прошло и пары минут, как меня сняли с табурета и позволили портить слезами дорогую ткань. Но даже эта маленькая месть не принесла успокоения. Слезы текли, прочерчивая неровные дорожки на щеках, впитывались в рубашку герцога, а он молча гладил меня по волосам, не делая попыток прекратить все это, терпеливо дожидаясь, пока я успокоюсь сама.

– Я вас ненавижу, – всхлипнув, призналась, поднимая на него заплаканные глаза.

– Вы даже так красивы, – заметил герцог, а я отвернулась, повела плечами и с удивлением обнаружила причину, по которой рыдала в его рубашку, а не камзол. Последний был накинут на мои плечи, прикрывая спину и согревая чужим теплом.

– Если кто-то посмеет сделать то же, что и я недавно, – он взял меня за подбородок и заставил взглянуть ему в глаза, – вы не должны ему этого позволять.

– А вам, значит, можно? – с обидой спросила я, тряхнула головой и отметила, что мне позволили отстраниться.

– И мне нельзя, – спокойно сказал Дамиан и заметил чуть насмешливо: – Но я не мог не воспользоваться своим шансом. Ведь теперь, когда я сам позволил вам защищаться, едва ли вы дадите мне шанс вновь насладиться вашей неопытностью.

– Не дам, – торопливо заявила я, когда поняла, что пауза затянулась. Стерла с лица последние следы слез, и напонила: – И вы сами это разрешили.

– Разрешил, – подтвердил герцог и добавил: – А теперь будем тренировать ваше сопротивление. Полагаю, вы получите от этого куда больше удовольствия, чем я. – Он замолчал, а я была так удивлена, что не знала, как ему ответить. Впрочем, ровно до следующего его предложения: – Или вернуть госпожу Бонартье?

Допустить подобного я не могла и вечером, уже почти засыпая, улыбалась, вспоминая, как недавний обидчик потирает ушибленный бок, падает на одно колено, а порой, в особо серьезных случаях, и на спину. И, странное дело, после двух часов «упражнений», герцог больше меня не пугал. Даже когда хватал за запястье или обнимал сзади. Ибо в следующий миг мужчина был обречен на падение.

* * *

Утро началось рано. Не то чтобы я не ожидала скорой побудки, но надеялась, что после долгого тренировочного дня мне удастся хоть немного отдохнуть. Но куда там!

Завтрак пришлось провести в компании сонной и оттого недовольной пуще прежнего госпожи Бонартье, которая действовала по принципу «не угадал вилку – минус блюдо, для которого она была подана». Стоит ли говорить, что, понимая к чему идет, при первой же возможности, когда моя наставница отвернулась, я стащила пирожков про запас. Благо, под стол женщина не заглядывала, а я заранее подготовилась: наволочку с подушки сняла и в рукаве пронесла.

– Что вы прячете? – сухо уточнила госпожа Бонартье, когда я столкнулась с внезапной проблемой: как спрятать свою добычу под юбку так, чтобы у меня

не отобрали последнюю вилку. Ведь именно их падение я использовала как повод для того, чтобы наклоняться под стол, не дожидаясь помощи слуг.

– Хлоя? – Одно слово и прибывшая, как я узнала из перешептываний слуг, вместе с госпожой Бонартье горничная юрко скользнула под стол и попыталась забрать мою добычу.

Я, конечно, сопротивлялась. Так вцепилась в свой завтракообед, что Хлоя в лице изменилась, пытаюсь выполнить безмолвное распоряжение своей хозяйки. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы герцог не решил почтить нас своим вниманием, показавшись в дверях и застав не самую прозаичную картину: гостя и служанка перетягивают наволочку, а за ними, поджав губы, наблюдает чопорная госпожа-наставница.

– Довольно, – одним словом остановил намечавшуюся драку герцог. Хлоя, дождавшись кивка своей госпожи, отступила, а я по ее сузившимся глазам поняла: одним врагом в этом доме у меня стало больше. Но пусть так, зато пирожки отвоевала!

Увы, радость моя была преждевременной. По пути к своему месту во главе стола герцог остановился и требовательно протянул руку. И я решила пожертвовать малым. В длинные пальцы мужчины лег один пирожок. Я надеялась – невкусный.

– Ваша доля за покровительство, – пояснила я в ответ на вздернутую бровь.

– Я полагал, что мое покровительство стоит больше, – заметил он, и я с тяжелым вздохом добавила к взятке еще один пирожок. Наволочка в моей руке ощутимо полегчала. Еще один пирожок – и даже мои труды по их добыче не окупятся.

Определенно, герцог мои мысли ухватил и, усмехнувшись про себя, занял положенное ему по статусу место. Госпожа Бонартье поспешила сесть.

– Отдохнули, Эвильен? – поинтересовался герцог, наблюдая, как споро сервируют стол слуги.

«Вот уж кто точно не ошибается в вилках», – завистливо подумалось мне, и Дамиан фыркнул.

– Все приходит с опытом, – заметил он. – Но времени на это у нас нет. Госпожа Бонартье, я приношу вам свои извинения, но ваши занятия с Эвильен придется перенести на послеобеденное время. – Наставница чинно кивнула, принимая волю нанимателя. – Эвильен, сразу после завтрака жду вас в библиотеке, – распорядился Дамиан, и мне не оставалось ничего иного, кроме как молча принять волю его светлости. Впрочем, в библиотеке, подальше от чужих взглядов и шепотков, можно было и покушать, ибо под мрачным взглядом госпожи Бонартье и насмешливым герцога Дамиана Аверстала аппетит весь исчез.

Не появился он и в библиотеке, куда четверть часа спустя я входила вслед за его светлостью.

«А ведь солнце еще даже не взошло», – заметила я, вглядываясь в черноту за окном.

– Во дворце отоспитесь, – хмыкнул Дамиан и быстрым шагом направился куда-то вглубь помещения, не давая мне и минутки на то, чтобы оглядеться.

Мы шли мимо ломящихся под тяжестью древних книг стеллажей, и я завистливо вздыхала: книги – вот что действительно было дорого. Даже сейчас, когда печатный станок более не роскошь и в каждой маленькой типографии он имелся, большинство работ оставалось недоступно широкому читателю. Особенно те из них, что касались колдовского искусства. Их словно бы нарочно не печатали, чтобы не плодить конкурентов и не давать повода для экспериментов самородкам.

– Примерно так все и есть, – подтвердил мои размышления герцог, останавливаясь. Я вовремя затормозила и уберегла свой нос от встречи с твердой спиной спутника.

Мужчина меж тем замер у обычной, ничем не примечательной двери. Вот только стоило его пальцам сжать ручку, как любопытная я смогла почувствовать, сколько чьих-то сил вложено в защиту того, что находилось по ту сторону прохода. И – самое удивительное – над защитой помещения поработали не только маги, но даже что-то родное чувствовалось во вспыхнувших линиях, что проступили на раскрытой двери.

– Проходите, Эвильен, защита вас не тронет, – сообщил мне герцог, но я все равно непроизвольно втянула голову в плечи. – Вас совершенно не заботит ваш внешний вид?

– Лучше быть живой и сутулой, чем гордой и обезглавленной, – отмахнулась я перешедшей мне по наследству от наставницы истиной. Пусть мы с ней провели и мало времени вместе, самое главное она мне привить успела: лучше быть живой и негордой, чем гордой и в обществе неудачливых пациентов лекаря.

– Кем она была? – заинтересовался герцог, оборачиваясь ко мне.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Она не любила вспоминать свое прошлое, а я не менталист, чтобы лезть в чужие головы без разрешения.

В ответ на шпильку герцог подарил мне очаровательную улыбку, словно я его не уколола, а комплимент сделала.

– Жаль, могли бы удовлетворить мое любопытство, – посетовал он и взмахом руки заставил дверь захлопнуться, едва не наподдав мне на прощание.

Мой полный осуждения взгляд его светлость проигнорировал, а вот я его выжидающий уже не смогла. Пришлось чинно садиться на краешек кресла у стены и опускать наволочку с пирожками на стоявший рядом столик. Судя по следам на дереве, обычно на нем стояли бокалы с вином, но и для пирожков столик сгодился. Бросила быстрый взгляд на следившего за мной герцога и отметила, что ему на меня вид открывается куда лучший, чем доступен мне. Все же в отличие от рабочего кабинета, где стулья, стоявшие друг напротив друга, были разделены столом и давали возможность заглянуть в глаза собеседнику, здесь все было иначе.

Больше всего комната походила на гостиную. Мягкой мебели здесь было в избытке, и нигде она не стояла так, чтобы взгляды гостей могли встретиться.

– Среди менталистов не принято смотреть коллегам в глаза, – пояснил герцог, падая в мягкое кресло. Оно единственное было достаточно потертым, чтобы можно было определить фаворита здешнего хозяина. – А потому такой взгляд всегда интригует.

Я промолчала, делая вид, что занавески занимают меня больше разоткровенничавшегося собеседника. Впрочем, занавески и сами по себе были неплохи, из тяжелой, сразу видно дорогой, ткани, но больше меня занимал вид из окна.

В поместье герцога мы попали в два перехода. Первый – совсем незначительный – произошел в здании инквизиции, когда мы переместились к стационарному portalу. И второй – собственно, сам порталный переход сюда, в поместье. И за все это время никто не потрудился мне сообщить, где именно я нахожусь.

– Аунтерон, если вас интересует ближайший город отсюда, – сказал Дамиан и добавил: – Вы не спрашивали, куда я вас привел, потому и не получали ответа.

Я промолчала, только насупилась. Попыталась ссутулиться, но корсет не позволял принять любимую позу. Собственно, именно из-за него я все еще сидела на краешке кресла, с тоской думая, как могла бы развалиться в мягком даже на ощупь кресле.

– Вам надо привыкнуть к нему, – без всякого сочувствия – о черствый человек! – напомнил герцог и похвалил: – Вам идет.

Я решила игнорировать издевку. Впрочем, желтый действительно оказался моим цветом, но я бы с радостью пожертвовала этим платьем, лишь бы избавиться вместе с ним и от корсета, и от нижних юбок. Хорошо еще, что обошлось без турнюра и кринолина с его жестким каркасом.

– После обеда примерите, – пообещал герцог, а мне вдруг захотелось повторить наш предыдущий вечер. – Понравилось видеть меня у ваших ног? – рассмеялся мужчина. И было в его голосе что-то, что заставило сердце пропустить удар, а после с удвоенным рвением погнать кровь по венам.

– Нет, – покраснев, ответила я, отводя взгляд, чтобы герцог не мог видеть выражение моего лица.

– Ну что ж, раз уж вы отказались от столь занятого времяпрепровождения, перейдем к рабочим моментам, – легко переключился на новую тему его светлость, и мне на колени упала тонкая папка. – Ваша история. У вас полчаса,

чтобы с ней ознакомиться, а после будете мне пересказывать.

– Сколько раз?

– Сколько придется, – развеял все мои надежды на скорое освобождение его светлость. – Это ваша новая жизнь, Оливия Эвильен Шантре, дочь графа Анри Шантре и, по совместительству, моя очень дальняя родственница, в которой я души не чаю.

– А она существует? – Я осторожно открыла папку.

– Отчасти. Девочка действительно была и записана во все храмовые книги, есть свидетели, кто видел ее до десяти лет, но никакого отношения та девочка к графу Шантре не имела. Анри нужны были документы, а мне нужно его имя, чтобы отправить вас во дворец.

– Но он может...

– Не может, – отрезал герцог. – Граф Шантре отбыл по делам и не вернется в ближайшие полгода. Те же, кто видел ту девочку... Ей тогда было десять, сейчас было бы девятнадцать. На год больше, чем вам, но разница несущественна.

– Вот как, – протянула я и углубилась в чтение. К моей радости, впрочем, омраченной тревогой за свою предшественницу, что носила это имя, сведений об Оливии оказалось немного. Граф не слишком любил неизвестное дитя и в свет ее не вывозил, потому сведений о леди Оливии имелось мало. Основная же информация в папке касалась родословной графа Шантре, их ближайших соседей и географии.

Признаться, раньше я думала, что проблем с памятью у меня нет, но в надцатый раз перечисляя герцогу родословную графа и пытаюсь не сбиться в дядюшках и тетушках, я заподозрила, что просто прежде мне не приходилось удерживать в ней столько имен. А мы ведь даже до самого герцога не дошли, хотя, в этом не соврал, граф Шантре приходился ему очень дальним родственником. Настолько дальним, что обычные люди бы и не знали такого родства, но аристократы бдели.

– Это издевательство, – простонала я, когда и пирожки были съедены, и герцог переместился из-за стола, подтянув поближе соседнее кресло и положив ноги на пуфик.

– Ничего выдающегося, – пожал плечами его светлость. – Но нужно же чем-то заполнять свои будни тем, кто едва ли когда-то окажется в столице и слишком труслив, чтобы служить стране, как их предки. Чем чаще люди вспоминают о подвигах предков, тем очевиднее, насколько они их ничтожнее.

Я промолчала. В моей жизни место подвигу было всегда. Порой просто потому, что обойтись без приключений закон подлости не позволял, но героем я себя от этого не чувствовала. Напротив – хотелось простой тихой жизни...

– Именно поэтому вы подались в столицу? – усмехнулся герцог. – Не самое тихое место для таких, как вы.

Я вспыхнула. Увы, не в прямом смысле, как могли себе позволить огненные ведьмы, но тоже эффектно. Так эффектно, что его светлость вздернул бровь, ожидая то ли тирады, то ли моего побега от неудобной темы. Пришлось брать себя в руки и смиренно внимать. Все же признавать очевидное, пусть и было обидно, но необходимо.

Решение в самом деле оказалось не самым верным. Пусть в столице и было много людей, среди которых и прятаться легче, и которым абсолютно все равно на появление очередного соседа и его дальнейшую судьбу, но... контроля здесь тоже было больше. Ну вот что мешало уехать в тот же Грастин? Или в Висталь?

Да, там самостоятельности никакой, старшие все решают, а ты только сиди, слушай, кивай и делай, как сказано. Зато инквизиции нет. Почти. Но, ходили слухи, в Грастине даже инквизиторы за ведьм были, всячески их оберегая. Не город – мечта! Если амбиций нет, согласен всю жизнь идти на поводу у старших и не мыслишь себя без коллектива. Увы, мне ближе были звери и травы, чем шумное людское общество.

– И именно поэтому вы подались в столицу, – повторил насмешливо герцог.

– Всем свойственно совершать ошибки, – буркнула я. – Вот разберусь с вашим поручением – и уеду. Куплю домик в деревне, заведу...

– ...коз?

– Белок, – сердито отмахнулась я. – Приманю ворон, ужигов, травы болотные высажу и...

– Будете всячески притворяться темной ведьмой, – заметил герцог. – Не слишком хорошая идея. Кроудгорд не терпит конкуренции, вас вскоре навестят и объяснят, почему нельзя притворяться темной ею не являясь.

– Тогда... – Я запрокинула голову, хотелось придумать новый план. Но такой, чтобы к нему нельзя было придраться, и спустя пару минут, что его светлость меня не тревожил, разочаровано вздохнула: – Вы же, что бы я ни сказала, найдете к чему прицепиться?

– Приложу все усилия, – герцог чуть склонил голову и заметил: – И раз уж вы отдохнули, мы можем продолжить.

Вырвавшийся у меня вздох был полон разочарования. Впрочем, он был все лишь первым из череды звуков, какими мой организм просил пощады. Госпожа Бонартье, получившая меня в свое полное распоряжение сразу после обеда, принялась шлифовать мою осанку, не давая мне ни секунды покоя. И если спустя три часа мое знание вилок было признано удовлетворительным, то с искусством дела обстояли хуже. Как и с походкой. И осанкой во время нее.

Ну не могла я плыть по воздуху, как того хотела наставница. Взгляд то и дело срывался вниз, чтобы убедиться: на волочащийся подол я пока не наступаю. Плечи сутулились, привычно делая меня одной из толпы, непримечательной горожанкой, что торопливо бежит по своим никому не интересным делам, не поднимая головы и вовремя отскакивая от таких же торопливых прохожих.

А в купе с тем, что после быстрой экскурсии по галерее, от меня требовалось не только «плыть», не глядя под ноги, с гордо вздернутым подбородком и с увесистым, так и норовившим упасть, томом на голове, но и вспоминать автора картины, ее отличительные черты, что характеризовали направление, к которому полотно принадлежало, и других художников, что творили в такой же манере... Стоит ли говорить, что к вечеру у меня в голове осталась лишь одна мысль: когда же это все закончится?

Правда, была и вторая, но я тщательно ее гнала, чтобы его светлость не унюхал и не записал мне такую государственную измену, ибо моим обреченным на забвение вопросом было: почему этого короля не свергли до того, как ему вообще в голову пришла эта глупая идея отбора?

Подумала и прикусила язык. Открыла глаза, убедившись, что лежу все еще в постели, в гостевой спальне герцогского поместья, и шумно выдохнула. Несмотря на усталость, сон не шел.

Я ворочалась, не зная, куда бежать и за что хвататься. И чем выше поднималась луна, чем ярче она сияла, даря свой бледный свет моей комнате, тем тревожнее мне становилось.

Заснуть я смогла только на рассвете. И, как неотвратимое наказание за мои прегрешения, не прошло и четверти часа, как меня разбудили.

Операция «Отбор» входила в активную фазу.

* * *

Единственным дворцом, в котором мне доводилось бывать раньше, были руины недалеко от деревушки Вест-Линг, что стояла в нескольких часах быстрой ходьбы от Висталя. Там, на месте бывшей оранжереи, росли удивительные травы, которые даже не всегда можно было купить у прибывавших в порт торговцев. А уж если не хотелось демонстрировать род своей деятельности – то в порт и вовсе путь был закрыт, а вот в Вест-Линг – нет.

Я с грустью вспомнила, как чуть не сломала там ногу, перебираясь по руинам стен. Хотела пару минут сэкономить, а получилось, что едва-едва успела вернуться к закрытию дверей общежития школы. Полученное растяжение еще долго откликалось тупой болью, но идти признаваться целителю я не рискнула. Слишком уж хорошо все причастные знали, зачем ходят в Вест-Линг.

Королевский дворец Билена имел мало общего с руинами. В первый миг я даже не удержалась от восторженного восклицания, запрокинула голову и попыталась рассмотреть шпиль центральной башни. Казалось, еще чуть-чуть и здание оторвется от фундамента, устремляясь навстречу облакам, разрежет

их и повиснет там, наверху, недоступное ничьим взорам.

– Потом налюбуетесь, – вернул меня с небес на землю Дамиан, сжимая локоть.

Я моргнула, и очарование момента схлынуло. А вот страх, с которым я боролась все то время, что меня одевали, как куклу, укладывали волосы и наносили легкий макияж, напротив – вернулся с новыми силами. А все потому, что теперь, глядя на центральный вход, у которого мы с герцогом стояли, я видела вовсе не устремленные ввысь башни дворца, а банальную магическую защиту, равных которой мне до сего момента не доводилось встречать. И если бы не герцог, банально вставивший меня в холл, я бы не решилась переступить порог.

В холле было достаточно многолюдно. Начищенный до блеска паркет выдавал не один час подготовки. Сновали отправленные с поручениями мальчишки-слуги, служанки торопливо меняли канделябры с расплавившимися свечами на новые. Что-то обсуждали одетые в одинаковые синие мундиры мужчины. Их собеседник, мужчина в черном с серебром мундире и закрученным свитком в руках, заметив нас, осекся и поспешил преградить нам дорогу.

– Леди Оливия Эвильен Шантре, – представил меня герцог подошедшему к нам мужчине. Редкие морщинки прочертили лицо встречающего, но вот седина... Она паутинкой легла на темные волосы, выдавая истинный возраст мага. В том, что мужчина принадлежал к одаренным, сомнений не осталось, едва цепкий взгляд мага, не церемонясь, начинал скользить по ауре.

– Одаренная? – уточнил у его светлости, вероятно, распорядитель, раз его поставили встречать прибывавший участниц.

Я затаила дыхание. Пусть герцог и уверял, что моя аура практически идентична таковой обычного человека, что было весьма распространено среди ведьм, работавших с природой, и чем дольше я воздерживаюсь от применения силы, тем незаметнее становятся отличия, я все равно боялась. Тот же индариум раз и навсегда легко бы прояснил вопрос моей принадлежности к одаренным...

– Это излишне, – поморщился Дамиан, заступая мужчине дорогу и скрывая меня за своей спиной. – Оливия – моя подопечная, или вы сомневаетесь во мне, магистр?

В голосе герцога появились угрожающие нотки. Я непроизвольно ссутулилась, желая стать как можно более незаметной, но маг даже бровью не повел. Хорошо хоть перестал смотреть в мою сторону, полностью переведя внимание на моего провожатого.

– Как можно, ваша светлость. Не смею вас задерживать, – усмехнулся он, отступая на шаг. Всего один, но у меня от облегчения чуть ноги не подогнулись.

Дамиан удовлетворенно кивнул и направился было дальше, вот только меня, в отличие от герцога, маг пропускать не спешил, вновь заступая дорогу. И я кожей чувствовала: что-то во мне магу не нравилось.

– Как это понимать? – Герцог обернулся и с нехорошим прищуром оглядел магистра.

– Вы можете идти. А девушке придется умыться. Косметика, как и все иные способы введения окружающих в заблуждение, запрещены для всех участниц отбора. Распоряжений о поблажках для вашей подопечной не поступало, – насмешливо заметил маг и поднял руку, подзывая кого-то. – Марта, проводи леди в ее покои и объясни правила.

Я моргнула, переводя взгляд с мага на показавшуюся в поле моего зрения невысокую рыжеволосую женщину. Она, не смущаясь, ухватила меня за запястье и потянула за собой, пользуясь моим замешательством. Я растерянно посмотрела на Дамиана, тем не менее покорно плетясь за Мартой. Стоять на месте было просто невозможно.

– Я мог бы сам...

– Ваша светлость, – в голосе мага сквозила усталость, – ваша подопечная семнадцатая из двадцати девушек, что я должен встретить. И каждый из опекунов желал пройти во дворец. И каждому из них я отказал. Вам не смею лишь из-за вашего положения, но не стоит злоупотреблять расположением его величества. Для проживания участниц отбора выделено восточное крыло дворца. Вход в него запрещен всем без исключения опекунам, какие бы должности они не занимали. На период проведения отбора все девушки будут обеспечены необходимыми вещами за счет казны, поэтому любой багаж будет отправлен обратно. Его величество не ставит своей целью оскорбить кого-то,

но даже для вас и вашей подопечной не будет сделано исключение.

- Вот как, - протянул Дамиан, мрачняя.

- Его величество ожидает вас в своем кабинете, - кивнул маг. - Ваше покровительство одной из участниц его весьма удивило.

Я еще успела заметить, как герцог оборачивается ко мне, но что-то услышать или увидеть какие-либо знаки не успела. Дверь за моей спиной надежно закрылась, отрезая нас с Мартой от холла и его суеты.

- Не отставай, - недовольно буркнула мне Марта, и я быстро кивнула, подстраиваясь под ее шаг. Вот только уже спустя пару мгновений мы остановились, и женщина смерила меня уже совсем другим, не недовольным, а заинтересованным взглядом, словно я что-то сделала не так.

- И никаких возражений? - вздернула бровь сопровождающая.

- А разве это что-то изменит? - Я попыталась изобразить что-то вроде хладнокровного презрения, но едва ли у меня получилось пронять служанку.

- Не старайся, - полностью свела на нет мои усилия Марта и пробормотала себе под нос: - Хоть с этой проблем не будет. - И громче: - Идем, в своих покоях умоешься.

Я послушно кивнула. Не знаю, на что рассчитывал герцог, но, похоже, его влияние не распространялось на эту конкретную особу. Впрочем, если бы я была на месте короля, то, прежде чем затевать подобное мероприятие, сменила бы весь штат слуг.

- Прошу прощения, - начала было я по привычке и прикусила язык, когда Марта вновь усмехнулась и, остановившись, снисходительно мне кивнула, дескать, продолжай. - А вы давно здесь работаете?

- Со вчерашнего дня, - не стала скрывать Марта и добавила с непонятным мне превосходством, предвосхищая дальнейшие вопросы: - Специально приехала из Ла-Гриена.

– Вот как... – протянула я, мысленно пытаюсь понять, намеком на что является упоминание, наверное, городка. Вот и аукнулось мне мое специфическое образование. Про шитье и вышивку я знала достаточно, умела – еще больше. Про травы, яды и прочие зелья – могла часами говорить, а вот какой-то Ла-Гриен... Не мог он оказаться рядом с родовым поместьем Оливии, чтобы я хоть примерно знала, где он находится и чем славен?

Марта просвещать меня не торопилась, быстро и уверенно ведя по коридорам дворца. Слишком быстро для нанятой лишь вчера служанки, и в купе с ее замечанием про Ла-Гриен...

– Вы давно знаете короля? – закинула я удочку.

– С детства, – не стала отрицать Марта и резко остановилась. Наверное, если бы я тайком не успела переобуться, упала бы с высоких каблуков, но так лишь проскользила немного по лакированному полу.

– Ваши покои, леди Шантре.

Мне кивнули на дверь, а после распахнули ее и вошли первой, демонстрируя, что никаких случайных (и неслучайных) неожиданностей по ту сторону ожидать не следует. А вот встрепенувшихся служанок – очень даже. Их было трое, и все смотрели на меня с нескрываемым предвкушением, словно долгожданное развлечение наконец-то явилось к ним.

– Без энтузиазма, – предупредила девушек Марта, и взгляды служанок стали задумчивыми. – Помогите леди привести себя в порядок. – Две девушки понятливо кивнули. – Деби, не забудь снять мерки.

– Да, госпожа Марта, – не ограничилась кивком третья. А я страдальчески вздохнула, заметив рядом с ней знакомый чемоданчик. У меня во время учебы тоже такой был, и как же я рада была от него избавиться. До тех пор, пока не увидела цены на готовые платья в столице.

Еще раз наградив каждую из нас внимательным, предупреждающим взглядом, Марта удовлетворенно хмыкнула и ушла, оставляя меня наедине со служанками.

– Вам нужно умыться, – напомнила о себе одна из тех девушек, что должна была проследить за моим переодеванием.

– Мы вас проводим и поможем. – В отсутствие Марты обе служанки немного расслабились, а в их голос вернулось предвкушение.

– Достаточно будет просто указать, куда идти, – я попыталась избавиться от их опеки.

– Нам жаль, леди, – притворно посочувствовала одна из них, – но мы должны убедиться, что вы избавились от всего, что есть на вас сейчас.

– Такова воля его величества, – решила придать веса своим словам вторая.

– Тогда смиренно ей подчиняюсь, – вздохнула я и уточнила заговорщицки: – А можно сделать так, чтобы это, – я обвела руками корсет, – при моем отъезде не нашлось? – Девушки переглянулись, а после покровительственно кивнули.

– Спасибо, – прошептала я и посеменила вслед за служанками к одной из дверей. Да уж, настоящей леди, горделивой и бесчувственной, из меня не вышло, но может оно и к лучшему. Провинциальной чудачке прощается больше, а слухи обо мне и так пойдут.

Купальня заставила меня всерьез задуматься: так ли уж мне неприятно принимать участие в представлении, в которое меня вписал герцог. Просторная, выложенная мозаикой и больше походившая на бассейн, ванна уже была готова. От поверхности воды поднимался пар, а уж аромат, заполнивший всю комнату...

Я принялась и... едва удержалась от уважительного свиста. Хороший сбор, не сказать чтобы редкий, но пока все заготовишь – тысячу раз пожалеешь, что вместо настоящих, творящих чудеса и непотребства зелий ушел в изготовление косметики и масел для ванн.

Заметив, что одна из служанок потянулась к другому флакону, жестом ее остановила.

– Не надо, – попросила я торопливо. Каждое из подобных зелий – полностью завершенная композиция, и если их смешать... в лучшем случае невинная жертва отделается головной болью, в худшем – тут уж как распорядятся боги.

Служанка пожала плечами, но под мой облегченный выдох флакон отложила. Правда, ее напарница заинтересовалась:

– Леди Оливия, – обратилась она ко мне, – а вы разбираетесь в зельях?

– Не во всех, – честно ответила я, – но в расслабляющих составах немного смыслу. – «И вспоминать о них крайне не люблю», – не стала добавлять я, но нос чуть не зажала. Наставница подобных зелий не чуралась, а грязная работа – всегда удел учеников. – Всегда же приятно понежиться в теплой водичке и ни о чем не думать? – предположила я, и девушки согласно закивали. Кажется, я чего-то не знаю об оплате труда во дворце или, как его там, Ла-Гриене.

Разговор ненадолго стих, и обе служанки помогли мне наконец избавиться от всего того нагромождения вещей, в которое меня упаковали, чтобы талия казалась тоньше, а попа разрослась в такую ширь, что будь это правдой, я бы сама себе посочувствовала.

– Вы точно намерены избавиться от корсета? – на всякий случай уточнила одна из девушек, прежде чем совершить непоправимое.

– Абсолютно, – заверила я служанку, уходя под воду до самого подбородка и наслаждаясь комфортом. Да уж, это вам не из чайника себя поливать или нырять в полную колодезную, холодной, как лед, воды бочку.

Не удержалась и нырнула в воду, таким нехитрым образом размывая косметику на лице. Не получилось. Коллега (пусть наши дорожки никогда не пересекутся!) работал на совесть, а потому ни единого развода не появилось на потревоженной глади.

– Держите, – стоило мне вынырнуть, рыжая служанка протянула смоченную каким-то незнакомым составом салфетку. – Меня Мэри зовут, – представилась она и хитро подмигнула.

– Оливия, но можно и Эви, – отозвалась я. – А...

– Труденс, – опередила мой вопрос Мэри и показала, как следует снимать косметику. – Раньше не доводилось? – сочувственно осведомилась служанка, и я не стала отпираться:

– Из-за этого отбора – столько всего впервые, – посетовала я и тяжело вздохнула: – Ума не приложу, зачем.

– С королем породниться, – хмыкнула Мэри, пожимая плечами.

– Вот сам бы и роднился, – буркнула я, представляя герцога в свадебном платье, а рядом облаченного в черное с золотом короля. Кажется, таковыми были родовые цвета его величества.

Мэри фыркнула и, смочив губку, принялась тереть мою кожу. Я не протестовала: девушка действовала аккуратно, практически невесомо касаясь шеи, плеч... Вкупе с поднимавшимися от воды ароматами... Определенно, здесь я могу провести целую вечность. И наверняка бы провела не менее пары часов – вода отчего-то не торопилась остывать, если бы в дверном проеме не показалась Деби и не напомнила о собственных обязанностях. Теперь, когда весь мой багаж был отправлен восвояси, даже не прибыв, вопрос одежды становился острым и животрепещущим.

– Простите леди, – извинилась Деби, когда я запахнулась в протянутый Мэри халат, – но нам нужно как можно быстрее снять мерки. Часть я уже сняла с вашей одежды, но хотелось бы убедиться... Госпожа Марта не любит лишних трат, – Деби покосилась на Мэри, но та словно бы и не заметила. Зато я заметила, что обе – и Мэри, и Марта – отличаются невысоким ростом, ямочкой на подбородке, рыжими вьющимися волосами и ярко-зеленым оттенком глаз. И это не говоря уже о сходстве интонаций в голосе. Родственницы?

– Она моя тетя, – призналась Мэри в ответ на мой вопросительный взгляд. – Не сказать, чтобы я мечтала быть чьей-то горничной, но это неплохая возможность заработать на приданное. Его величество еще и подарок обещал... – Рыженькая прикрыла рот ладошкой, ее глаза расширились от изумления. Определенно, так откровенничать она не собиралась.

– Это все ванна, – поспешила указать на виновницу нечаянной откровенности я, пока меня не причислили к одаренным. – Видимо, кто-то хотел, чтобы мы откровенничали друг с другом.

– И? – Взгляд Мэри стал тяжелым.

– И я не против, – легко ответила я. – Каждому из нас нужно с кем-то общаться, так почему бы и не нам с вами?

– Леди говорит со слугами?

– Леди говорит со всеми, – хмыкнула я, позволяя стянуть с себя халат. Натянула панталоны, нижняя рубашка скрыла плечи... – А здесь так не принято?

Я поднялась на табурет и развела руки, позволяя Деби приступить к снятию мерок. После того, что мне пришлось пережить в доме герцога, дворец пока удивлял лишь в хорошем смысле этого слова. Не считая теплого приема, разумеется.

– Для многих прислуга – часть интерьера, – пожала плечами вернувшаяся Труденс. Именно она ходила избавляться от моего платья и, судя по хитрой улыбке, операция «Избавление» прошла успешно. – Но мы рады, что вы от них отличаетесь.

– Только я? – лукаво улыбнулась.

– Еще леди Вивьен и леди Ариналия, – поделилась сведениями Труденс, а я сделала мысленную пометку, к кому следует присмотреться. Видимо, как и я, эти девочки знали, что слуги не просто часть интерьера, а порой главные действующие лица подковерных интриг. Вспомнить только, что творилось в школе. Да и у мэтра Клерье... Казалось бы, мелочь, но то, в каком порядке поданы пришедшие письма, всегда влияло на настроение мага и, как следствие, на ответы клиентам и нашу премию.

– Я закончила, – вырвала меня из размышлений Деби, отходя от табурета и сворачивая мерную ленту. – Сегодня еще походите в готовом, а завтра...

- Только без корсета, - взмолилась я.

- Вы не желаете подчеркнуть талию и придать полноты груди? - очень серьезно уточнила девушка.

- Не такой ценой, - я покачала головой.

- Как прикажете, - улыбнулась Деби. - Тогда сегодня еще поносите с корсетом - других готовых нарядов нет. Девочки вам помогут одеться. А уже завтра я вас спасу.

- Считаю секунды, - призналась я и тяжело вздохнула: - Смиренно жду готовое платье.

Мэри прыснула в кулачок, Труденс опасно на меня покосилась, словно не зная, как я отнесусь к подобной вольности, но я и сама расплылась в улыбке.

В компании служанок я чувствовала себя своей, но, увы, просидеть в отведенных мне покоях весь день было бы нарушением моего контракта наблюдателя, а потому, едва на меня надели новое платье - зеленое с белым, как ромашка, я засобиралась на прогулку. Других посмотреть, себя, по возможности, не показать.

- Его величество любит проводить время у пруда с кувшинками, - шепотом, словно нас было кому подслушивать, подсказала Мэри.

- Спасибо, - я серьезно кивнула, мысленно делая пометку: «При виде кувшинок - бежать со всех ног в противоположную сторону». Что-что - а короля я хотела видеть в последнюю очередь. Кто его знает, какие у него скрытые способности. Может, он, как герцог, менталист, а может и чего похуже. В любом случае, встречаться с таким лишней раз - приближать свое раскрытие и позорное выдворение. А то и наказание за обман, если герцог не вступится. И пусть он обещал... всякое может в жизни случиться, а потому рассчитывать стоило лишь на себя. И немного на животных.

Пообщаться с последними я и направились: звери - не слуги, жалованье во дворце не получают и клятвами не связаны. А поболтать любят. Самое то, чтобы послушать недоступные людям сплетни.

Самое странное, что ни одна из служанок не пожелала составить мне компанию. Хотя я даже рискнула предложить. Деби отговорилась делами – и спорить с ней было невозможно, Мэри – необходимостью охранять от посягательств покои, а Труденс занялась уборкой ванной. Потому они втроем с подозрительной радостью отправили меня гулять. Я пожала плечами и гордо ушла. Ровно до двери. После притихла, прислушиваясь к происходящему по ту сторону, и на цыпочках, благо на высоких каблуках никто не настаивал, проскользнула в коридор. Воровато огляделась, отыскала открытое окно и, пользуясь тем, что поселили нас на первом этаже, выскользнула в него.

Присела, затаившись, и, убедившись, что никто не торопится меня ловить, поднялась, расправила плечи, как учили, и... ссутулилась. Ибо леди без горничных гулять не следовало, а вот служанке...

Приняв на себя эту роль, я заторопилась. Куда? Куда-нибудь, но главное с опущенной головой, ссутулив плечи и быстро, словно так и следовало.

Окруженный с трех сторон парк плавно перетек в сад, а после и в настоящий лес, и уже там, забравшись на склонившийся к реке ствол, я с облегчением выдохнула и, разувшись и стянув чулки, сунула ноги в воду. Не сказать, чтобы мне этого хотелось, но проточная вода была лучшим средством приглушить для поисковых чар мою магию, потому приходилось идти на жертвы.

Первыми на зов явились белки. Пышнохвостые красавицы протянули мне орехи, добытые непосильным воровством, судя по карамельным подтекам на ядрах, и, получив порцию одобрения, ласки и силы, умчались по своим делам. Я вздохнула, покосилась на добычу и, решив, что краденные орехи, побывавшие в лапах белок, меньшее чего мне стоит опасаться из угощений дворца, отправила парочку в рот.

Вторыми прилетели во?роны. Этих гордых птиц, не чуравшихся ни чужих вещей, ни слухов я и ждала. Три больших птицы, одна из которых опустилась мне на руку, сжав ее когтями, и заглянула в глаза.

– Что происходит во дворце? – тихо спросила я у птицы. Ворон нахохлился и недовольно пробурчал:

– Лю-юдей ста-ало слишк-ком мно-ого.

Для меня его голос был скрипучим, как у старика, но едва ли, если бы кто-то решил нас подслушать, разобрал бы что-то кроме карканья. Конечно, если бы сам затаившийся слушатель не был природником.

– И вам это не нравится?

– Ник-кому не нра-а-вится, – перехватил инициативу другой ворон. Он был моложе того, что уместился мне на руку, с более ярким черным оттенком оперения, но, стоило его собрату недовольно зыркнуть на посмевшегося перебить смутьяна, как молодой скрылся в кроне и притих.

– Гео-р-рг на г-гер-рцога зо-ол. Пр-ри-вел тебя г-гер-рцог. Н-не дог-го-вар-ривались он-ни так. Н-не-довол-лен сильно.

– Разругались?

– Н-нет. Бес-седов-вали дол-го. Тих-хо, спок-койно. Г-геор-рг не ев-во от-тец, – с гордостью заметил ворон, и я не могла не согласиться: если человек способен не срываться на крик и мыслить здраво, он действительно достоин короны. О старом короле, почившем пару лет назад, такого сказать было нельзя. Даже в нашей провинции траурные процессии больше напоминали карнавал, так любили в народе монарха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/mazurkevich_natal-ya/nikakih-ved-m-na-moem-otbore

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)